Бухарин

ПРОГРАММА КОММУНИСТ. (б)

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН121
П 911б

Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕН121
П Ж 6

Н. Бухарин.

ПРОГРАММА КОММУНИСТОВ (БОЛЬШЕВИКОВ).

Самарский Губернский Комитет партии Коммунистов (Большевиков).

САМАРА
Тип. Совнархоза № 2.
1919 г.

Российская Коммунистическая Партия (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйте ь!

ЕН 121
П 911б

Н. БУХАРИН.

ПРОГРАММА
Коммунистов
(большевиков).

EH121
П 911 б
5959 с.1
(28)
1050491

ПРОГРАММА КОММУНИСТОВ (БОЛЬШЕВИКОВ).

I. Царство капитала, рабочий класс и деревенская беднота.

Во всех странах, кроме России, после октябрьского переворота, а до октября и в России, у власти стоит капитал. Какое государство ни взять—полусамодержавную ли Пруссию, или республиканскую Францию, или так-называемую демократическую Америку—всюду всю силу держит в руках крупный капитал. Небольшая кучка людей—крупных и крупнейших банкиров помещиков и фабрикантов—держит в рабстве и кабале миллионы и сотни миллионов рабочих и деревенских бедняков, заставляет их трудиться из-под палки до седьмого пота и вышвыривает их на мостовую, как только они уже не годятся, изработались, измотались и не могут приносить прибыли Господину Капиталу:

Такую страшную власть банкирам и фабрикантам над миллионами тружеников даст богатство. Почему бедняк, выброшенный на улицу вынужден умирать с голоду? Потому что у него нет ничего, кроме пары рук и пары ног, которые он может запродать капиталисту, если они этому капиталисту нужны. Почему богач-банкир или промышленник может ничего не делать и жить припеваючи, получая солидные доходы, стребая прибыли ежедневно, ежечасно, ежесекундно? Потому что он владеет не только парой рук и ног, а теми средствами труда, без которых теперь нельзя работать: фабриками, машинами, железными дорогами, рудниками, землей, кораблями и пароходами, всевозможными аппаратами и разными инструментами. Это накопленное людьми богатство принадлежит во всем мире, за исключением теперешней России, только капиталистам и помещикам, которые тоже превратились в капиталистов. А при таком положении дела немудрено, что, имея в руках все необходимое, самые нужные вещи, кучка людей господствует над остальными, которые не имеют ничего. Приезжает бедняк из деревни в город и идет искать себе работы. К кому? К хозяину. К тому, у кого есть фабрика или завод. А хозяин волен казнить, волен миловать. Если они его слуги верные—директора и счетоводы—подсчитали, что можно выгонять деньгу из новых рабочих с большей выгодой, чем из одних только старых, тогда он «дает работу». Если нет, он говорит ему: «проходя дальше». Капиталист на фабрике—царь и бог. Ему все повинуются, слушаются его распоряжений. По его велению фабрика расширяется или сокращается. По его приказу через мастеров и администрацию идет расчет и прием рабочих. Он определяет, сколько рабочие должны работать, какую плату должны получать. И все это происходит потому, что фабрика—это его фабрика, что завод—

это его завод, ему принадлежит, является его частной собственностью. Вот эта частная собственность на средства производства и является причиной той страшной силы, которая находится в руках капитала.

То же происходит и на земле. Возьмите самую рассвободную и рас-демократическую страну—Соединенные Штаты, о которых буржуазия все уши прожужжала. Тысячи рабочих обрабатывают чужую землю, землю крупнейших помещиков-капиталистов. Все поставлено здесь, как на огромной фабрике: десятки и сотни электрических плугов, косилок, жнеек, жнеек-сноповязалок, при которых трудятся с утра до ночи наемные рабы. И точно так же, как на фабрике, они работают не на себя, а на хозяина. Потому что и самая земля, и семена, и машины,—словом все, кроме самих рабочих рук, есть частная собственность хозяина-капиталиста. Он здесь самодержец. Он приказывает и ведет дело так, чтобы больше пота и крови превращалось в звонкий желтый металл. Ему повинуются, ворчат иногда, но продолжают гнать деньгу на хозяина, потому что у него все есть,—у рабочего, у деревенского бедняка нет ничего.

Иногда бывает, однако, что помещик не нанимает рабочих, а сдает свою землю в аренду. У нас в России, например, крестьяне-бедняки, с маленькими наделами, где только курицу пасти можно было, были вынуждены арендовать землю у помещика. Они работали на ней своею лошадью, плугами, сохами и боронами. Но и тут их нещадно обирали. Чем сильнее была нужда в земле, тем больше арендных драл помещик, забирая крестьянина-бедняка в настоящую кабалу. Почему он мог это делать? Потому, что земля была тогда его, помещика, земля, потому, что на землю была частная собственность помещичьего класса.

Капиталистическое общество делится на два лагеря: тех, кто много работает и мало и плохо ест; и тех, кто мало или совсем не работает, но зато много и хорошо ест. Это выходит не совсем по «Писанию», где сказано: «Трудящийся да яст». Однако, такое обстоятельство не мешает попам всех вер и языков восхвалять капиталистические порядки: ведь, попы получают везде (кроме Советской республики) казенное содержание от капитала.

Возникает теперь второй вопрос. Как же может кучка паразитов удержать частную собственность на необходимые всем средства труда? Каким образом эта частная собственность дармоедских классов держится до сих пор? Где этому причина?

Эта причина лежит в превосходной организованности врагов трудового народа. Сейчас нет ни одной капиталистической страны, где бы капиталисты действовали в одиночку. Наоборот, каждый из них—непременный член хозяйских организаций. И вот эти-то хозяйские союзы и держат все в своих руках, имеют десятки тысяч своих верных агентов, преданных им не за страх, а за совесть. Вся экономическая, хозяйственная жизнь каждой капиталистической страны находится в полном распоряжении специальных хозяйских организаций: синдикатов, трестов и крупных союзов между банками. Эти союзы всем владеют и распоряжаются.

Но самым важным предпринимательским союзом является буржуазное государство. Эта хозяйская организация держит в своих руках все нити управления и силы. Тут все взвешено и рассчитано, все придумано и приложено так, чтобы при первой попытке со стороны рабочего класса восстать против господства капитала эту попытку тотчас же задушить. В распоря-

жении государства — грубая материальная сила (шпионы, полицейские, суды, палачи, вымуштрованные и потерявшие душу солдаты) и сила духовная, которая исподволь развращает рабочих и бедноту, воспитывая их в ложных понятиях. Для этой цели буржуазное государство имеет школу и церковь, к которым присоединяется еще и капиталистическая печать. Известно, что свиноводы могут выращивать таких свиней, которые не могут ходить от громадного количества жира, но зато они весьма пригодны для убоя. Такие свиньи выращиваются искусственно, потому что им изо дня в день дают особый специальный корм, от которого они так жиреют. Точно так же поступает буржуазия с рабочим классом. Правда, настоящего корма она дает очень мало,—от него не разжиреешь. Но она изо дня в день преподносит специальный **духовный** корм рабочим, от чего жиреют и перестают работать мозги рабочего класса. Буржуазия хочет превратить рабочий класс в свиное стадо, послушное и годное для убоя, не рассуждающее и постоянно повинующееся. Вот почему буржуазия через школу и церковь внушает уже детям мысль о том, что нужно повиноваться властям, ибо они поставлены от бога (только большевики, вместо молитв, удостоились церковного проклятия, потому что отказались выплачивать от казны рясофорным обманщикам). Вот почему буржуазия так заботится и о широком распространении своей лживой печати.

Величайшая организованность буржуазного класса позволяет ему удерживать частную собственность. Богачей самих мало, но около них—порядочное количество их самых верных, преданных и великолепно оплачиваемых слуг: министров, директоров заводов, директоров банков и т. д.; около этих последних еще больше их помощников, получающих поменьше, но зависимых от них целиком, воспитанных в том же духе; они сами метят на такие же места, если удастся выслужиться; за ними следуют еще менее крупные чиновники и агенты капитала и т. д. «Дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабку»—все они идут друг за другом, связаны единой организацией буржуазного государства и других хозяйских союзов. Эти организации покрывают каждую страну, как сеткой, в которой тщетно бьется рабочий класс..

Каждое капиталистическое государство превращается на деле в огромный хозяйский союз. Рабочие работают,—хозяева наслаждаются. Рабочие исполняют, — хозяева приказывают. Рабочие обманываются, — хозяева обманывают. Это и есть те порядки, какие называются капиталистическими, и которым повиноваться приглашают господа капиталисты и их слуги: попы, интеллигенты, меньшевики, эсеры и прочие добрые знакомые всякого рабочего и крестьянина.

II. Грабительския войны, угнетение рабочаго класса и начало гибели капитализма.

За последнее время в каждой капиталистической стране мелкий капитал почти исчез: его съели крупные акулы. Раньше шла борьба за покупателя между многими отдельными капиталистами; теперь, когда их осталось немного (ибо мелочь вся разорилась), эти оставшиеся об'единились, сорганизовались и распоряжаются любой страной все равно, как раньше помещик распоряжался своей деревней: наши американских банкиров вы-

дает всей Америкой, как раньше отдельный капиталист своей фабрикой; несколько французских ростовщиков поработили себе весь французский народ; пять крупнейших банков распоряжаются судьбами всего немецкого народа. То же и в других капиталистических странах. Можно поэтому сказать, что теперешние капиталистические государства, или, как их называют, «отечества», превратились в огромные фабрики, которыми владеет хозяйский союз, как раньше отдельный капиталист владел своей отдельной фабрикой.

Нет ничего удивительного в том, что такие союзы, государственные союзы разных буржуазий, ведут между собою ту же борьбу, что раньше велась между отдельными капиталистами: английское буржуазное государство с немецким буржуазным государством так же борется, как раньше в самой Англии или в самой Германии боролся один фабрикант с другим. Только теперь игра в тысячу раз более крупная, и борьба за увеличение прибылей ведется сейчас при помощи человеческих жизней и человеческой крови.

В этой борьбе, которая охватывает собой всю землю, гибнут прежде всего страны маленькие и слабые. Вначале гибнут колониальные народцы, слабые, иногда дикие племена, которые расхватываются по кускам крупными разбойничьими государствами. Тут идет борьба за раздел между последними «свободных» земель, т.-е. земель, еще не разворованных «цивилизованными» государствами. Затем начинается борьба за передел того, что уже разворовано. Понятно, что эта борьба за передел мира должна быть кровавой и ожесточенной, как никогда. Здесь ее ведут чудовищные исполины, самые крупные государства мира, вооруженные самыми совершенными смертоносными машинами.

Мировая война, разразившаяся летом 1914 года и длящаяся вплоть до текущих дней, является первой войной за решительный передел мира между чудовищами «цивилизованного» разбоя. Она втянула в свой водоворот четырех главных соперников-гигантов: Англию, Германию, Америку и Японию. И борьба идет за то, какой из этих разбойничьих союзов поставить мир под господство своей железной кровавой пяты.

Эта война невероятно ухудшила и без того тяжелое положение рабочего класса повсеместно. Тут на рабочих навалились неизбывные тяготы: миллионы лучших работников прямо вырезаны на полях сражений; голодовка — удел остальных; тем; кто осмеливается протестовать, грозят самыми суровыми карами. Все тюрьмы переполнены, жандармы наготове с пулеметами против рабочего класса. Права рабочих даже в самых «свободных» странах исчезли: даже бастовать нельзя, за стачки судят, как за государственную измену. Печать рабочая задушена. Лучшие рабочие, верные борцы революции, принуждены скрываться и строить свои организации нелегально, как мы при царе, тайком, прячась от тучи шпионов и полицейских. Неудивительно, что от таких последствий войны рабочие начинают не только стонать, но и подниматься против своих угнетателей.

Но и сами буржуазные государства, затеявшие великую свалку, начинают подгнивать на корню и разлагаться. Буржуазные государства, что называется, «влипли». Они завязли в кровавой трясине, которую создали в своей погоне за барышом, и для них нет выхода. Итти назад, вернуться ни с чем, после стольких затрат деньгами, вещами, кровью, нельзя. Итти вперед, на новый тяжкий день — тоже почти невозможно. Политика

войны завела в такой тупик, из которого нет никакого выхода. Поэтому война длится без конца, хотя и без всякого решающего результата. По той же причине капиталистический строй, стиная, начинает расползаться, и рано или поздно должен уступить свое место другим порядкам, при которых безумию мировой войны за барыш не было бы места.

Чем дальше длится война, тем больше оскудевают воюющия страны. Цвет рабочего народа либо гибнет, либо лежит, заеденный вшами, в окопах и занимается делом разрушения. Все истреблено для дела войны; даже дверные медные ручки конфискованы на военные надобности. Нет самого необходимого, ибо война пожрала все, как ненасытная саранча. Вырабатывать полезные вещи некому, — их только потребляют. Четвертый год идет, как фабрики, до того вырабатывавшие нужные вещи, вырабатывают сейчас гранаты и шрапнель. И вот без людей, без производства того, что действительно необходимо, все страны пришли в такой упадок, при котором люди начинают уже завывать по-волчьи от голода, голода, бедности, нищеты и гнета. В немецких деревнях зажигают лучину там, где раньше было электричество, ибо нет угля. Жизнь замирает по мере того, как растет всеобщая народная нищета. В таких благоустроенных городах, как Берлин и Вена, на улицу нельзя выходить ночью: идут грабежи. Буржуазныя немецкия газеты вопят о недостаточном количестве полиции. Они не хотят видеть, что рост преступности свидетельствует о росте нищеты, отчаяния и озлобления. Калеки возвращаются с фронта и находят у себя дома повальный голод; число безприютных и голодных, несмотря на отличные организации, все увеличивается, ибо нечего есть, а война идет и идет, требует все новых жертв.

Чем затруднительнее становится положение воюющих государств, тем больше возникает трений, ссор и раздоров среди разных слоев буржуазии, которые раньше шли вместе ради общих грабительских целей. В Австро-Венгрии вцепляются друг-другу в волосы чехи, украинцы, немцы, поляки и прочие. В Германии, с завоеванием новых провинций, та самая буржуазия (эстонская, латышская, украинская, польская), которая призывала немецкие войска, теперь вынуждена жестоко ссориться со своими освободителями. В Англии английская буржуазия в смертельной тяжбе с порабощенной ею ирландской буржуазией. А среди этой сумятицы, при общей разрухе, все громче поднимает свой голос рабочий класс, который поставлен всем ходом истории перед задачей задушить войну и свергнуть иго капитала.

Так нарастает время разложения капитализма, время коммунистической революции рабочего класса.

Первую брешь проложила русская октябрьская революция. Капитализм в России разложился раньше, чем в какой бы то ни было другой стране потому, что бремя мировой войны всего тяжелее отразилось на молодом капиталистическом государстве нашей страны. У нас не было такой чудовищной организованности буржуазного класса, какая есть в Англии, Германии, Америке. Она поэтому не могла справиться ни с теми трудностями, которыя предъявляла ей война, ни с могучим напором русского рабочего класса и крестьянской бедноты, которые в октябрьские дни выбили буржуазию из седла и поставили у власти партию рабочего класса — коммунистов-большевиков.

Рано или поздно та же участь постигнет и западноевропейскую буржуазию. Рабочий класс Западной Европы все больше становится в

ряды коммунистов. Повсюду растут организации своих «большевиков» в Австрии и Америке, Германии и Норвегии, Франции и Италии. Программа коммунистической партии становится программой мировой пролетарской революции.

III. Всеобщая дележка или товарищеское коммунистическое производство?

Мы уже знаем, что корень зла грабительских войн, угнетения рабочего класса, всех зверств капитализма состоит в том, что мир поработили несколько государственно-организованных буржуазных шаек, которые имеют своей собственностью все блага земли. Собственность класса капиталистов на средства производства — вот в чем «причина всех причин», которая об'ясняет нам варварство современного строя. Отнять у богатых их силу, отняв у них их богатство силой — вот первейшая задача, которую ставят себе рабочий класс и рабочая партия, партия коммунистов.

Некоторые думают, что отнятое у богатых нужно «по-божьему» по справедливости, поровну поделить между всеми, и тогда все будет хорошо. Каждый, мол, будет иметь столько, сколько всякий другой, все будут равны, и все будут освобождены тогда от неравенства, гнета, эксплоатации. Всяки; будет заботиться о себе, имея все под рукой, и власть человека над человеком исчезнет благодаря этой уравнительной дележке, всеобщему переделу и разделу богатств между бедняками.

Не так смотрит на это партия коммунистов. Она считает, что такой уравнительный раздел ни к чему хорошему бы не привел, что, кроме путаницы и возвращения к старому порядку, ничего бы из этого не вышло.

В самом деле. Во-первых, целого ряда вещей и поделить просто нельзя. Как, например, поделить железные дороги? Ведь, если один начнет таскать шпалы, другой — стальные бруски, третий — гайки, четвертый — драть вагоны, чтобы топить печь, пятый — бить зеркало, чтобы бриться перед его осколком, и так далее, то всякому видно, что такая дележка и не равная, и ведет только к идиотскому расхищению полезных вещей, разрушает то, что могло бы еще пригодиться. Точно так же нельзя поделить ни одной машины. Ведь, если один возьмет шестерню, другой — рычаги, остальные — прочие части, вся машина перестает быть машиной, все идет прахом. И так почти со всеми сложными орудиями, которые важнее всего для дальнейшего труда. Стоит только вспомнить про телеграфные или телефонные аппараты, аппараты на химических заводах и проч. Ясно, что лишь совсем непонимающий человек или прямой враг рабочего класса может советовать такую дележку.

Эта дележка, однако, вредна не только поэтому. Предположим, что удалось каким-нибудь чудом поделить все отнятое у богатых более или менее поровну. И тогда бы ничего путного, в конце-концов, не вышло. Ибо что означает дележка? Она означает, что на место немногих крупных собственников стало много мелких. Она означает не уничтожение частной собственности, а ее раздробление; на место крупной собственности появится мелкая. Но такое время уже было в прошлом. Мы знаем очень хорошо, что капитализм и крупные капиталисты выросли из борьбы мелких хозяев друг с другом. Если бы мы своей дележкой наплодили бы мелких собственников, то произошло бы следующее. Часть из них (и довольно

значительная) на другой же день спустила бы полученное на какой-нибудь толкучке (скажем, у Сухаревой), и их собственность попала бы таким образом в руки более зажиточных собственников; между оставшимися началась бы борьба за покупателя; в этой борьбе более зажиточные стали бы одолевать менее зажиточных; менее зажиточные разорялись бы и превращались бы в пролетариев, а их счастливые соперники увеличивали бы свои богатства, принанимали бы работничков и мало-по-малу превращались бы таким образом в заправских капиталистов. Так мы вернулись бы через некоторое время к тому самому строю, который мы только-что уничтожили. Мы снова очутились бы перед старым корытом капиталистического разбоя.

Раздел в частную (мелкую) собственность — это не идеал рабочего или батрака. Это — мечта мелкого лавочника, которого утнетает крупный лавочник, но который сам хочет сделаться крупным лавочником. Как самому выйти «в люди», побольше заполучив в крепкие руки, — вот о чем думает лавочник. О других думать, о том, чтобы посмотреть, что из этого всего получится, — до этого лавочнику нет дела: лишь бы лишний пятак в кармане звенел. Его и не напугаешь тем, что все снова к капитализму вернется; ведь, у него будет теплиться надежда, что это он, какой-нибудь Сидор Петров, будет капиталистом. А разве это плохо?

Совсем по другому пути должен итти и идет рабочий класс. Рабочий класс заинтересован в таком переустройстве общества, чтобы возврат к капитализму был бы немыслим. При разделе выгонишь капитализм через парадную дверь, а немного спустя он пролезает через заднюю. Единственным выходом отсюда является **товарищеский трудовой (коммунистический) строй.**

При коммунистическом строе все богатства принадлежат не отдельным лицам и не отдельным классам, а всему обществу. Все общество здесь — как громадная трудовая артель. Хозяина над ней нет никакого. Все — равные товарищи. Никаких классов нет: ни капиталистов, которые нанимают рабочих, ни рабочих, которые нанимаются у капиталистов. Работают сообща, по выработанному и высчитанному трудовому плану. Подсчитает центральное статистическое (счетное) бюро, что в год нужно произвести столько-то и столько-то: сапог, брюк, колбасы, пшеницы, холста, и так далее; подсчитает оно, что для этого на полях должно работать такое-то количество товарищей, на колбасных заводах такое-то, в крупных портновских общественных мастерских такое-то, — и вот соответствующим образом распределяются рабочия руки. Все производство ведется по строго высчитанному, взвешенному плану, на основе точного учета всех машин и орудий, всего сырья, всей рабочих рук общества. Точно высчитывается и ежегодныя общественныя потребности. Производимый продукт складывается в общественных магазинах, откуда и распределяется между товарищами-работниками. Работают только на самых крупных заводах, на самых хороших машинах, так как оне сберегают труд. Управление производством — самое экономное: всякия излишния затраты избегаются, а чтобы их небыло, этому делу помогает один общий план производства. Тут нет такого порядка, чтобы в одном месте вели дело по-одному, в другом — по-другому; в одном не знали, что делается в другом. Тут, наоборот, чуть ли не весь

мир взвешен и подсчитан: хлопок возделывают только там, где для этого самая подходящая почва; производство угля сосредоточивают в самых богатых копях; железоделательные заводы строят по близости от угля и руды; где почва годится для пшеницы, ее не застраивают городскими громадинами-домами, а сплошь засевают. Все, словом, распределяют так, чтобы каждое производство находило для себя наилучшее место, где бы работа спорилась лучше всего, где бы все легче доставалось, где бы труд человеческий был самым производительным. Всего этого можно добиться и достигнуть только при едином плане, при полном об,единении всего общества в одну громадную трудовую общину — артель.

Люди в этом коммунистическом строе не сидят на шее один у другого. Здесь нет богатых и выскочек, нет начальников и подчиненных; здесь общество не делится на классы, из которых один господствует над другим. А раз нет классов, это значит, что нет нескольких сортов людей (бедных и богатых), из которых одни точат зубы против других, угнетатели против угнетенных, угнетенные против угнетателей. Поэтому нет и такой организации, как государство: ведь, нет господствующаго класса, который нуждался бы в особой организации для содержания в ежевых рукавицах своего классового противника. Нет управления над людьми и власти человека над человеком; есть только управление над вещами, над машинами, власть человеческаго общества над природой. Род людской не разбит на враждующие лагери: он об,единен здесь общим трудом и обще; борьбой с внешними силами природы. Пограничные столбы срыты. Отдельныя отечества уничтожены. Все человечество без различия наций связано во всех своих частях и организовано в одно единое целое. Все народы здесь — одна великая дружная трудовая семья.

IV. Анархический или коммунистический строй?

Есть люди, которые называют себя анархистами, то-есть сторонниками безвластия. Они утверждают, что большевики-коммунисты идут по ложному пути, что они хотят сохранить власть, а всякая власть и всякое государство есть угнетение и насилие. Мы видели, что такое мнение о коммунизме — неправда. Коммунистический строй жизни — это такой строй, где нет ни рабочих, ни капиталистов, где нет никакого государства. И не в том различие между анархическим строем и строем коммунистическим, что в одном есть государство, а в другом нет: нет государства ни там, ни тут. Разница же настоящая заключается вот в чем.

Анархисты думают, что лучше всего, свободнее всего будет житься людям тогда, когда они разобьют все производство по маленьким трудовым обществам-коммунам. Набралась компания, артель в десять человек по добровольному согласию, — прекрасно. Эти десять человек начинают работу на свой страх и риск. В другом месте возникла другая такая артель, в третьем — третья. А потом эти артели начинают входить между собою в переговоры и соглашения: одной нехватает одного, другой — другого. Понемногу они уговариваются между собой, заключают «свободные договоры».

И вот производство движется в этих маленьких коммунах. Каждый волен выйти в любое время из коммуны, каждая коммуна вольна выйти из добровольного союза (федерации) этих маленьких коммун (трудовых артелей).

Правильно ли разсуждают анархисты? Любой рабочий, который знает теперь чтнее фабричное, машинное производство увидит, что неправильно. Сейчас расскажем, почему.

Ведь, будущие порядки должны спасти рабочий люд от двух напастей и бед. Во-первых, от угнетения человека человеком, от эксплоатации, от того чтобы одни сидел на шее другого. Это достигается тем, что обрасывается иго капитала, и у капиталистов отнимаются их богатства. Но есть еще одна задача. Она заключается в том, чтобы избавиться от ига природы, чтобы подчинить эту природу себе, чтобы наладить производство самым лучшим, самым совершенным образом. Только тогда будет возможно каждому человеку на выделку еды, сапог, платья, домов и т. д. тратить немного времени, а остальное время употреблять на свое духовное развитие: на науку, на искусство, на все то, что красит человеческую жизнь. Предки теперешняго человека, которые жили, как стада полуобезьян, были равны между собой. Но они вели скотский образ жизни потому, что не они подчиняли себе природу, а природа целиком подчиняла их себе. Наоборот при капиталистическом крупном производстве человечество научилось подчинять природу, но рабочий класс живет, как рабочая скотина, потому, что на его шее сидит капиталист, потому, что господствует экономическое неравенство. Что же отсюда следует? А следует отсюда то, что экономическое равенство нужно соединить с крупным производством. Мало того, чтобы капиталисты исчезли Нужно, чтобы производство было поставлено, как мы уже говорили раньше, на самую широкую ногу. Все маленькия, никудышныя предприятия должны отмереть. Вся работа должна быть сосредоточена на самых крупных фабриках, заводах, землях. И не так, чтобы Сидор не знал, что делает Петр, а Петр бы не знал, что делает Сидор. Такие порядки никуда не годятся. Нужно, чтобы был единый план работы. Чем больше местностей охватывал бы этот единый план, тем лучше. Весь мир должен быть, в конце-концов, одним трудовым предприятием, где все человечество по одному строго выработанному, просчитанному и промеренному плану работает на себя, без всяких хозяев и капиталистов, на самых лучших машинах, на самых крупных заводах. Для того, чтобы двинуть производство вперед, нужно не только не дробить того крупного производства, которое уже оставляет в наследство капитализм. Наоборот, его еще более нужно укрупнить. Чем шире и крупнее будет общий план, чем в более крупных размерах будет организовано все производство, чем больше оно будет получать указаний из одного счетнаго и расчетнаго статистическаго центра; другими словами, чем более оно будет централизовано, тем лучше. Ибо тем меньше придется труда на долю каждаго, тем свободнее будет каждый, тем больший простор для своего духовнаго развития будет получать человеческое общество.

Но как раз этому и противоречит то будущее общество, которое проповедуют анархисты. Анархический строй вместо того, чтобы укрупнить,

централизовать, упорядочивать производство, дробить его, а, следовательно, уменьшает господство человека над природой. Здесь нет общаго плана, нет крупной организации. При анархическом строе нельзя будет даже толком использовать громадных машин, проводить по одному плану железныя дороги, предпринимать крупныя оросительныя или осушительныя работы. Приведем одни только примерчик. Теперь много говорят о замене паровых двигателей электричеством и об использовании для добывания электрической двигательной силы водопадов и т. д. Чтобы правильно распределить добываемую электрическую энергию, нужно, конечно, высчитать, вымерить и взвесить, сколько и куда этой энергии пустить, так чтобы ото всего была наибольшая польза. А что это значит? Когда это возможно? Это возможно только тогда, когда производство организовано в крупном масштабе (размер), когда оно сосредоточено в одном-двух крупных центрах учета и управления. Наоборот, это невозможно при анархическом строе маленьких, распыленных, слабо друг с другом связанных коммунок. Таким образом, мы видим, что на деле при анархическом строе производства организовать как следует нельзя. А это влечет за собой большой рабочий день, т. е громадную степень зависимости от природы. Анархический строй был бы тормозом, который мешает человечеству итти вперед. Вот почему мы, коммунисты, боремся против того учения, которое распространяют анархисты.

Теперь понятно, почему анархическая проповедь приводит к безделию вместо правильнаго коммунистическаго устройства общества. Ведь, анархическая коммунка — это не громадное сотрудничество людей, а кучка, которая может насчитывать даже двух человек. В Петербурге, вот, была такая группа: «Союз пяти угнетенных». По анархическому учению, может быть и «союз двух угнетенных». Представте теперь себе, что выйдет, если каждый пяток людей или каждая двойка начнет самостоятельно реквизировать, конфисковать и работать потом за свой страх и риск. В России найдется около ста миллионов трудящагося населения. Если мы оно образовало «союзы пяти угнетенных», так в России оказалось бы двадцать миллионов (а каждый миллион — это тысяча тысяч) таких коммун. Можно себе вообразить, какое вавилонское столпотворение стало бы, если бы эти двадцать миллионов коммунок начали бы самостоятельно действовать! Получился бы такой хаос, такая «анархия», что не приведи бог! Немудрено и то, что если бы такия группы стали самостоятельно захватывать богатство богатых, то, кроме дележки, ничего бы не получилось. А дележка приводит, как мы видим выше, снова к царству капитала угнетению и насилию над трудовыми массами.

V. К коммунизму через диктатуру пролетариата!

Как же утвердить коммунистический строй? Как притти к нему? На это партия коммунистов отвечает: через диктатуру пролетариата.

Диктатура — это значит железная власть, власть, которая не щадит своих врагов. Диктатура рабочаго класса — это значит государственная власть рабочего класса, которая душит буржуазию и помещиков. Эта власть рабочих может вырасти лишь из социалистической революции ра-

бочего класса, которая разрушает буржуазное государство и буржуазную власть и на ее обломках строит новую власть — власть самого пролетариата и поддерживающей его бедноты.

Вот тут, действительно, мы стоим за рабочее государство, а анархисты — против него. Значит, мы, коммунисты, за рабочее правительство, которое нужно до поры до времени, пока рабочий класс не выдержит в стальных рукавицах своих противников, пока он не вымуштрует всей буржуазии, пока он не выбьет из нея всей спеси, пока он не уничтожит у буржуазии всякой надежды снова подняться к власти.

Значит, вы, коммунисты, за насилие? — спросят нас. Конечно,— отвечаем на это мы. Но мы стоим за революционное насилие. Прежде всего, мы думаем, что уговорами капиталистов рабочий класс никогда ничего не достигнет. На пути соглашения, как учат меньшевики и эсеры, добра никакого не найдешь. Освобождения рабочий класс не может добиться иначе, как через революцию, то-есть через свержение власти капитала, через разрушение буржуазного государства. А всякая революция есть насилие над прежними господами. Мартовская революция в России была насилием над насильниками-помещиками и царем; октябрьская революция была насилием рабочих, крестьян и солдат над буржуазией. И такое насилие, насилие против тех, кто угнетает миллионные массы трудящихся, такое насилие не только не плохо, — оно священно.

Но рабочему классу приходится употреблять насилие против буржуазии и после того, как он ее свалил в открытой революционной схватке. В самом деле. Ведь, даже тогда, когда рабочий класс разрушил государство буржуазии, эта буржуазия не перестает еще существовать, как класс. Она вовсе не исчезает сразу. Она продолжает еще питать надежды на возвращение к старому строю и готова поэтому итти на союз с кем угодно против побудившего рабочего класса.

Опыт русской революции 1917 года целиком это подтверждает. В октябре рабочий класс отбросил буржуазию от власти. И, тем не менее, буржуазия вовсе не успокоилась: она действовала против рабочих, мобилизуя все свои силы, стремясь расшибить пролетариат снова и добиться своего не мытьем, так катаньем. Она организовывала саботаж, то-есть контр-революционный уход с постов чиновников и служащих, не захотевших подчиниться рабочим и крестьянам; она организовала вооруженные силы Дутова, Каледина, Корнилова; она организует теперь, когда мы пишем эти строки, для похода на сибирские советы шайки есаула Семенова; наконец, она зовет к себе на помощь войска иностранной буржуазии, немецкой, японской, и т. д. Значит, опыт русской октябрьской революции показывает нам, что рабочий класс даже после своей победы вынужден иметь дело, с могущественными внешними врагами (разбойничьими государствами капитала), которые идут на-выручку уже свергнутой домашней буржуазии.

Если трезво посмотреть сейчас на весь мир, то мы увидим, что только в одной России пролетариату удалось низвергнуть власть буржуазного государства. Весь остальной мир принадлежит еще разбойникам крупного капитала. Советская Россия, с ее рабоче-крестьянским правительством,— это маленький островок среди бушующего капиталистического моря. Не

даже если за победой русских рабочих последует победа рабочих в Австрии и Германии, еще останутся крупные хищные государства капитала. Если вся капиталистическая Европа потерпит крах и падет под ударами рабочего класса, остается еще капиталистический мир Азия во главе с хищниками Японии; капитал Америки во главе с чудовищным разбойничьим союзом капиталистов, имя которому — Соединенные Штаты Америки. Все эти капиталистические государства без боя своих позиций не уступят. Они будут бороться изо всех сил, чтобы не дать пролетариату овладеть миром. Чем сильнее напор пролетариата, чем опаснее положение буржуазии, тем необходимее становится для буржуазии напрягать силы в борьбе против пролетариата. Пролетариат, победивший в одной, двух, трех странах; неизбежно будет сталкиваться с остальным буржуазным миром, который кровью и железом будет стараться разбить усилия освобождающего класса.

Что отсюда следует? Отсюда следует, что до коммунистического строя и после строя капиталистического, в промежутке между капитализмом и коммунизмом, даже после социалистической революции в нескольких странах рабочему классу придется выдержать жестокую борьбу со своими внешними и внутренними врагами. А для такой борьбы нужна организация, крепкая, широкая, хорошо сколоченная имеющая в своем распоряжении все средства борьбы. Такой организацией рабочего класса является пролетарское государство, власть рабочих. Как и всякое государство, пролетарское государство является организацией господствующего класса (ибо господствующим классом здесь является рабочий класс) и организацией насилия, но насилия над буржуазией, средством [illegible]ться от буржуазии и добить ее.

Тот вовсе не революционер, кто боится такого насилия. Вопрос о насилии нельзя ставить так, что всякое насилие вредно. Это чепуха. Насилие, которое практикуется богатыми против бедных, капиталистами против рабочих, — это насилие идет против трудящихся масс, и его целью являются поддержка и укрепление капиталистического разбоя. Наоборот, насилие со стороны рабочих против буржуазии имеет своею целью освобождение от рабства миллионов трудящихся людей, избавление от плети капитала, от грабительских войн, от дикаго расхищения и истребления всего того, что человечество строило и копило веками и тысячелетиями. Вот почему необходим для дела революции и постройки коммунистическаго строя железный аппарат рабочей диктатуры.

Всякому должно быть ясно, что в это переходное время рабочему классу придется (и приходится уже сейчас) напрячь всю свою энергию, чтобы выйти победителем из схватки с многочисленными врагами, и что никакая другая организация не сможет подавить врагов рабочаго класса, кроме такой, которая охватывает рабочий класс и деревенскую бедноту всей страны. Разве можно дать отпор иностранным империалистам, если не иметь в своих руках государственной власти и армии? Конечно, нет. Разве можно бороться с контр-революцией, если не иметь в руках оружия (а это есть средство насилия), тюрем, чтобы сажать туда контр-революционеров и мародеров (а это есть тоже средство насилия), и других средств принуждения и обуздания? Как можно заставить капиталистов подчиняться рабочему контролю, всяким конфискациям, и так далее, если у

рабочего класса не будет средств заставить слушаться себя? Можно, конечно, сказать, что для этого достаточно нескольких «Союзов пяти угнетенных», пары боевых дружин. Это пустяки. Когда буржуазия выставляет против нас целые полки, и мы имеем возможность организовать против нее вовсе полки, то мы были бы последними глупцами, если бы не приложили всех сил, чтобы такие революционные красные полки сорганизовать, обучить, просветить. А это может сделать только такая рабочая или рабоче-крестьянская организация, которая охватывает всю страну. Этой организацией и является рабочее государство, пролетарская диктатура.

Из свойств переходного времени вытекает необходимость в рабочем государстве. Ведь, даже когда буржуазия будет покорена во всем мире, она, привыкшая к праздности, ворчащая против рабочих, будет отлынивать от работы и всячески пакостить пролетариату. Ее нужно заставить служить народу. Это могут сделать только власть и принуждение.

В отсталых странах (а такой отсталой страной является Россия) существует еще масса мелких и средних хозяев-собственников, кулачков, ростовщиков и мироедов. Все они против деревенской бедноты, а еще более против городских рабочих. Они идут за крупным капиталом и за бывшими помещиками. Понятно, что рабочие и крестьянская бедпота должны их обуздывать, если они выступают против революции. Рабочие должны думать, как бы наладить правильный порядок, организовать отнятое у фабрикантов производство, помочь наладить крестьянам сельское хозяйство, организовать правильное распределение хлеба, мануфактуры, железного продукта, и так далее. А кулачек-мироед, разжившийся за войну, артачится, не хочет действовать по-общему: «я сам себе хозяин» — говорит он. Рабочие и крестьянская бедпота должны его принудить слушаться точно так же, как они принуждают слушаться крупных капиталистов, бывших помещиков, бывших генералов и офицеров.

Чем опаснее положение рабочей революции, чем больше врагов окружает ее, тем беспощаднее должна быть рабочая власть, тем тверже должна быть революционная рука рабочих и деревенской бедноты, тем энергичнее должна быть диктатура. В руках рабочего класса государственная власть — это топор, который он держит наготове против буржуазии. В коммунистическом строе, когда буржуазия уже не будет существовать, когда классов не будет, когда никакой ни внешней, ни внутренней опасности тоже не будет, тогда этот топор ни к чему. Но в промежуточное время, когда враг скалит зубы и готовит утопить в крови весь рабочий класс (стоит вспомнить только разстрел финских рабочих, разстрелы в Киеве, разстрелы рабочих и крестьян по всей Украине, разстрелы в Латвии!), выходить безоруженным, выходить без этого топора государственной власти может только тот, кто ничего не понимает.

Против диктатуры рабочего класса кричат с двух сторон. С одной стороны — анархисты. Они, видите ли, против всякой власти, а поэтому и против власти рабочих и крестьян. Им мы можем сказать: »Ступайте в женский монастырь, если вы кричите против того, чтобы у рабочих было средство насилия против буржуазии!».

С другой стороны, против рабочей диктатуры выступают (хотя они сами раньше об этом писали) меньшевики и правые эсеры.

Они, видите ли, против того, чтобы нарушались свободы... для буржуазии. Они за то, чтобы буржуазные проходимцы получали снова то, что имели, и со спокойной душой разгуливали по Невскому, Тверской и проч. Они полагают, что рабочий класс «не дорос» до своей диктатуры. Им мы можем сказать: «Идите к буржуазии, которую вы так любите, господа заступники. Но оставьте в покое рабочий класс, оставьте в покое бедноту».

Коммунистическая партия, которая потому, что она является сторонницей самой железной диктатуры рабочих над капиталистами, кулачками, бывшими помещиками и всеми другими прелестями старого буржуазного строя, является и самой крайней, самой революционной из всех существующих групп и партий. Через безпощадно-твердую власть, рабочих, через, пролетарскую диктатуру — к коммунизму — таков лозунг нашей партии. И программа нашей партии есть программа пролетарской диктатуры.

VI. Советская власть или буржуазная республика?

Из нашего взгляда на необходимость диктатуры вытекают, как неизбежное следствие, и наша борьба против устаревшей формы парламентарной буржуазной (ее иногда называют и «демократической») республики, и противопоставление ей новой формы государственного устройства — власти Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Меньшевики и правые эсеры горой стоят за Учредительное Собрание и за парламентарную республику. Они кричат на всех перекрестках против власти советов. Почему? Да в первую голову потому, что они боятся власти рабочих и хотят оставить власть у буржуазии. А коммунисты, которые не на бумаге, а на деле хотят осуществить коммунистический (социалистический) строй, должны неизбежно бороться за диктатуру пролетариата и за окончательное низвержение буржуазии. Отсюда происходит все различие. И именно поэтому партия меньшевиков и эсеров идут нога в ногу с партиями крупной буржуазии.

В чем основное отличие между парламентарной республикой и между республикой советской? В том, что в советской республике непрудящиеся классы лишены права голоса и не принимают участия в делах управления. Страной управляют Советы. А эти Советы выбираются трудовым людом на местах работы: по фабрикам, по заводам, по мастерским, на рудниках, по селам и деревням. Буржуа, бывшие помещики, банкиры торговцы-спекулянты, купцы, лавочники, ростовщики, корниловские интеллигенты, попы, архиереи, — словом вся черная рать не имеет голоса, не имеет основных политических прав. Начало парламентарной республики кладет Учредительное Собрание. Верховным органом советской республики является С,езд Советов. Чем отличается в первую голову С,езд Советов от Учредительного Собрания? Ответить на этот вопрос не трудно всякому, кто умеет считать хотя бы по пальцам. Правда, господа меньшевики и правые эсеры стараются напустить всякого тумана на дело, придумывая разные торжественные названия, в роде «хозяина земли Русской». Но правды

не строешь. Учредительное Собрание отличается от С,езда Советов тем, что в него выбирают не только трудящиеся, но и буржуазия, и все агенты буржуазии. Оно отличается поэтому от С,езда Советов тем, что там, в Учредительном Собрании, могут заседать не только рабочие и крестьяне, но и банкиры, помещики, капиталисты; не только рабочая партия — коммунисты, не только левые эсеры, и даже не только социал-предатели, в роде правых эсеров и меньшевиков, но и кадеты (партия народной измены), октябристы, черносотенцы. Вот из-за их голосов и стараются почтенные соглашатели. Когда они кричат о необходимости «всенароднаго», «общенационального» Учредительного Собрания, они считают Советы не всенародными потому, что там для всего народа русского нехватает русской буржуазии, всяких Колупаевых и Разуваевых. Добавить к трудящимся всю свору паразитов, дать этим врагам народа все права, посадить их рядом с собою в парламенте, сделать из классового правительства рабочих и крестьян классовое правительство буржуазии под маской общенародности — вот задача правых эсеров, меньшевиков, кадетов, словом, крупного капитала и его мелкобуржуазных агентов.

Опыт всех стран показывает, что там, где буржуазия пользуется всеми правами, там она всегда обманывает рабочий класс и бедноту.

Имея в руках печать, газеты и журналы, владея огромными богатствами, подкупая чиновников, пользуясь услугами сотен тысяч своих агентов, угрожая своим наиболее забитым рабам и запугивая их, буржуазия достигает того, что власть не уходит из ея рук. По видимости как-будто бы голосует чуть ли не весь народ. А на самом деле этой крышкой прикрывается господство финансового капитала, который устраивается преизящнейшим образом да еще хвастается тем, что он «народу» позволяет голосовать и хранить всяческия «демократическия» свободы. Поэтому во всех странах, где имеется буржуазная республика (например, во Франции, в Швейцарии, в Соединенных Штатах Америки), несмотря на всеобщее голосование, власть целиком находится в руках банковых заправил. Таким образом, понятно, чего добиваются правые эсеры и меньшевики, когда они хотят свергнуть власть советов и созвать «Учредительное Собрание». Дав голоса буржуазии, они хотят подготовить переход к тем же порядкам, что и во Франции и в Америке. Ведь, они считают, что русские рабочие «не дозрели» до того, чтобы самим держать власть в своих руках. Наоборот, партия коммунистов-большевиков считает, что сейчас необходима диктатура рабочих, что ни о какой передуступке власти не может быть и речи. Нужно лишить буржуазию всякой возможности обманывать народ. Нужно отстранить ее от управления страной самым решительным образом, потому, что сейчас время обостренной борьбы. Нужно укрепить и расширить диктатуру рабочих и бедняков-крестьян. Вот почему необходима государственная власть советов. Здесь нет буржуазии. Здесь нет помещиков. Здесь государством правят организации рабочих и крестьян, которые выросли вместе с революцией и вынесли на своих плечах всю тяжесть великой борьбы.

Этого мало. Простая республика не только означает власть буржуазии. Она никогда, по самому своему устройству, не сможет пропитаться рабочим духом. При парламентарной республике каждый гражданин пол-

1050491
С00
1140

дает свою избирательную записку раз в четыре года или раз в пять лет,— этим дело и кончается. Все остальное предоставляется депутатам, министрам, президентам, которые и ворочают всем. Никакой связи с массами здесь нет. Массы трудового народа здесь только обрабатываются и эксплоатируются чиновниками буржуазного государства, а настоящего участия в управлении они вовсе не принимают.

Совсем другое советская республика, которая соответствует рабочей диктатуре. Тут все управление поставлено на совсем особый лад. Советская власть — это не организация чиновников, независимых от массы и зависимых от буржуазии. Советская власть и ее органы опираются на самые широкия организации рабочаго класса и крестьянства. Профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, местные советы рабочих и крестьян, солдатския и матроския организации,—все они поддерживают центральную советскую власть. Тут от центральной советской власти тянутся во все стороны тысячи и миллионы ниточек; эти ниточки сперва идут к областным и губернским советам, потом к городским, от них к районным городским, от этих — к фабрикам и заводам, объединяющим сотни тысяч рабочих. Точно так же организованы и все высшия учреждения советской власти. Вот, например, Высший Совет Народного Хозяйства. Он составлен из представителей центров профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов и других организаций. Профессиональные союзы, в свою очередь, об,единяют целыя производства, имеют отделения в разных городах, опираются на организованную массу по фабрикам и заводам. Сейчас на каждой фабрике есть фабрично-заводский комитет, который выбирается рабочими данной фабрики; эти фабрично-заводские комитеты об,единены между собой. И они тоже посылают своих представителей в Высший Совет Народного Хозяйства, который должен вырабатывать хозяйственные планы и управлять производством. Значит, и здесь центральный орган управления промышленностью составлен из рабочих представителей и опирается на массовыя организации рабочого класса и крестьянской бедноты. Тут, значит, совсем другое устройство, чем при буржуазной республике. Буржуазия не только лишена прав. И не только в том дело, что правят страной представители рабочих и крестьян. Дело также и в том, что советы правят, находясь в постоянной связи с массовыми союзами рабочих и крестьян, и таким образом широкая масса принимает все время участие в управлении рабоче-крестьянским государством. Поэтому здесь каждый организованный рабочий имеет свое влияние. Он принимает участие в управлении государством не только потому, что выбирает раз в месяц или в два месяца своих доверенных лиц. Нет. Профессиональные союзы, скажем, вырабатывают планы организации производства, потом эти планы разсматриваются в советах или советах народного хозяйства, а затем, если они подходящи, они получают силу закона, когда их одобрит Центральный Исполнительный Комитет Советов. Любой профессиональный союз, любой фабрично-заводский комитет может, таким образом, принимать участие в общей работе по строительству новой жизни.

В буржуазной республике государство тем лучше себя чувствует, чем меньше деятельности развивает сама масса. Потому что интересы массы противоречат интересам капиталистическаго государства. Если бы,

скажем, в северо-американской республике заговорила бы масса, — это означало бы, что буржуазии и ее государству настает конец. Буржуазное государство покоится на обмане масс, на их усыплении, на том, что массы отстранены от всякого участия в повседневной государственной работе, что они призываются лишь раз в несколько лет «проголосовать» и своим голосованием надуть самих себя. Совсем другое в советской республике. Советская республика, воплощая диктатуру народных масс, не может жить ни минуты, если она отрывается от масс. Она тем крепче, чем самодеятельнее массы, чем больше энергии они проявляют, чем больше делается на местах — на фабриках, на заводах, в отдельных городах, деревнях и селах. Вот почему совсем не случайно то обстоятельство, что советская власть, издавая свои декреты, обращалась к самим массам с требованием, чтобы сами рабочие и сами деревенские бедняки проводили их в жизнь. Вот почему со времени октябрьской революции изменилось значение всякого рода рабочих и крестьянских организаций. Раньше они были орудиями классовой борьбы против правящей буржуазии и помещиков. Возьмите хотя бы профессиональные союзы и крестьянские мелкие советы. Прежде им приходилось вести борьбу с капиталом за более высокую заработную плату, за более короткий рабочий день, в деревнях — борьбу за отобрание у помещиков земли. Теперь, когда власть находится в руках самих рабочих и крестьян, эти организации сами становятся колесиками государственной власти. Профессиональные союзы теперь не только борются с капиталистами, но, как органы рабочей власти, как частицы советского правительства, они принимают участие в организации производства, в управлении промышленностью; точно так же деревенские и крестьянские советы не только ведут борьбу с кулаками, буржуазией и помещиками, но и занимаются установлением новых порядков на земле, то-есть управляют земельным делом, как органы рабоче-крестьянской власти; они работают, как винтики в огромной машине государственного управления, где власть находится в руках рабочих и крестьян.

Так мало-помалу через рабочие организации, через организации крестьян к делу управления страной привлекаются самые широкие слои трудящегося народа. Ничего подобного нет ни в какой другой стране. Потому что ни в какой другой стране нет еще победы рабочего класса, нет рабочей власти, нет диктатуры пролетариата, нет советской республики, советского государства.

Понятно, что советская власть, которая соответствует диктатуре пролетариата, не подходит всем тем группам населения, которые заинтересованы в том, чтобы итти назад к капиталистическому рабству, а не к коммунистическому строю. Понятно также, что говорить открыто: «мы хотим кнута и палки для рабочих»—они не могут. Нужен и здесь обман. Этот обман — специальность правых эсеров и меньшевиков, которые кричат о «борьбе за демократическую республику», об Учредительном Собрании, которое, якобы, спасет от всех зол, и так далее. На самом деле здесь речь идет о том, чтобы передать власть буржуазии. И тут, по этому коренному вопросу, между нами — коммунистами, и всякими меньшевиками, правыми эсерами, новожизненцами и прочими господами не может быть никакого соглашения. Они стоят за капитализм, мы — за движение к коммунизму. Они — за власть буржуазии, мы — за диктатуру рабочих. Они — за бур-

буржуазно-парламентарную республику, где будет царствовать капитал, или — за советскую социалистическую республику, где вся власть принадлежит рабочим и крестьянской бедноте.

До сих пор, до русской революции 1917 года, о диктатуре пролетариата лишь писалось. Но никто хорошенько не знал, в каком виде будет осуществлена эта диктатура. Русская революция указала и самый вид, самую форму диктатуры: эта форма — советская республика. Поэтому сейчас самые лучшие отряды международного пролетариата выставляют на своем знамени лозунг республики советов и советской власти. Поэтому же сейчас наша задача состоит во всемерном укреплении советской власти, очищении ея от всяких непорядочных людей, привлечение к делу строительства возможно большого количества способных товарищей, выдвинутых рабочими и крестьянскими массами. Только такую власть, советскую власть, власть самих рабочих и самих крестьян, могут и должны защищать рабочие и крестьяне.

Если бы у нас рабочие и крестьяне потерпели поражение; если бы у нас было созвано Учредительное Собрание; если бы на место власти советов возникла обыкновенная буржуазная республика, наподобие французской и американской, — тогда рабочий класс должен был бы поставить в порядок дня свержение этой республики, и никаких обязанностей ее защищать он бы не имел. Ибо его дело — защищать власть рабочих, а не власть буржуазии. По отношению к власти буржуазии у него — одна обязанность: эту власть свергать.

VII. Свободы для рабочаго класса и крестьянской бедноты; узда для буржуазии (свобода слова, печати, союзов, собраний и т. д. в Советской республике).

Раз у нас — диктатура рабочих и крестьян, которая имеет своею целью додушить буржуазию, отбить у буржуазии всякую охоту проделывать попытки восстановления буржуазной власти, то понятно, что ни о каких широких свободах для буржуазии не может быть и речи, точно так же, как не может быть и речи о предоставлении буржуазии избирательных прав и о переходе от советской власти к буржуазно-республиканскому парламенту.

На партию коммунистов (большевиков) со всех сторон сыплются негодующие возгласы, а иногда и угрозы: «Вы закрываете газеты, вы арестуете, вы запрещаете собрания, вы топчете свободу слова и печати, вы восстанавливаете самодержавие, вы — насильники и убийцы», — и многое другое. Вот этот вопрос о «свободах» в Советской республике нужно разобрать самым подробным образом.

Приведем, прежде всего, один пример. Когда — еще в марте прошлаго (1917) года — разразилась революция, и были арестованы царские министры (Штюрмер, Протопопов и другие), — кто-нибудь возражал против этого? Никто. А, между тем, эти аресты, как и всякие аресты, были нарушением свободы личности. Почему же это нарушение всеми одобрялось? И почему мы сейчас говорим: «Да, это так и нужно было сделать!». Да очень просто почему: потому что это был арест вредных контр-революционеров. А в революции более, чем когда-либо, необходимо

помнить одиннадцатую заповедь: не зевай! Если не глядеть в оба, если распустить всех врагов народа и не поприжать их, то от революции останутся рожки, да ножки.

Еще пример. В то же время, когда арестовывали Штюрмеров и Горемыкиных, закрывали черносотенную печать. Это было явным нарушением свободы печати. А правильно ли было такое нарушение этой свободы печати? Конечно, правильно. И ни один разумный человек не станет отрицать того, что так и нужно было поступить. Почему? Опять-таки потому, что в революционное время, когда идет борьба не на-живот, а на-смерть, у врага нужно отнимать его оружие. А таким его оружием является и печать.

Еще до октябрьской революции в Киеве были закрыты черносотенные общества — «Двуглавый Орел» и еще несколько. Это было нарушением свободы союзов. Но это было правильно сделано, потому что революция не может терпеть свободы для организации союзов против революции.

Когда Корнилов шел на Петербург, тогда ряд генералов забастовал, отказываясь повиноваться распоряжениям временного правительства. Они заявили, что целиком поддерживают Корнилова. Можно было поддерживать такую свободу генеральских стачек? Ясное дело: за такие стачки этих генералов-черносотенцев нужно было бы подвергнуть самой свирепой каре.

В чем же дело? Мы видим теперь, что нарушение всяких свобод необходимо по отношению к противникам революции. Не может в революционное время быть свобод для врагов народа и революции,—вот ясный, непререкаемый вывод.

После марта и до октября ни меньшевики, ни правые эсеры, ни буржуазия не кричали, что в марте произошел «насильнический захват», что растаптывалась свобода (черносотенной) печати, свобода (черносотенного) слова и т. д. Они не кричали об этом потому, что все это проделывала захватившая в марте власть буржуазия: Гучковы, Милюковы, Родзянки, Терещенки и их слуги верные —Керенские и Церетели.

В октябре дело переменилось. В октябре выступили рабочие против буржуазии, которая в марте села им на шею. В октябре крестьяне поддержали рабочих. Понятно, что буржуазия стала бешеным ненавистником рабочей революции и по своей бешеной ненависти нисколько не уступает помещикам. Все крупные собственники об'единились теперь против рабочего класса и деревенской бедноты. Все стали вокруг так-называемой партии народной свободы (а по-настоящему — партии народной измены) против народа. И понятно также, что когда народ начинает ущемлять этих своих врагов, то они в бессильной злобе кричат: «захватчики», «насильники», и так далее.

Для рабочего и крестьянина теперь ясно следующее. Партия коммунистов не только не требует никаких свобод (печати, слова, собраний, союзов и т. д.) для буржуазных врагов народа. Наоборот, Она требует, чтобы всегда быть наготове и закрывать буржуазную печать, распускать собрания врагов народа, запрещать им лгать, клеветать и сеять панику; подавлять самым беспощадным образом все попытки возвращения к власти. В этом как-раз и состоит диктатура пролетариата.

Значит, когда речь идет о печати, мы, прежде всего, спрашиваем, о какой печати говорят — о буржуазной или о рабочей; когда речь идет о собраниях, мы спрашиваем, о каких собраниях идет дело — о рабочих или о контр-революционных; когда поднимается вопрос о забастовках, для нас в первую голову важно, что это — стачка ли рабочих против капиталистов, или саботаж буржуазии или буржуазной интеллигенции против пролетариата. Кто не различает этих вещей, тот ничего не понимает. Печать, собрания, союзы и так далее суть орудия классовой борьбы, а в революционную эпоху, в революционное время они суть орудия гражданской войны, наравне со складами оружия, пулеметами, порохом, бомбой. И весь вопрос заключается в том, каким классом против какого другого класса они направляются. Рабочая революция не может предоставить свобод для организации восстания Корниловых, Дутовых, Милюковых против трудящихся масс. Точно так же она не может предоставить полной свободы организаций, слова, печати, собраний для контр-революционных шаек, с величайшим упорством ведущих свою политику и только выжидающих случая, как бы броситься на рабочих и крестьян.

Выше мы видели, что когда правые эсеры и меньшевики выставляют лозунг (боевой клич) Учредительного Собрания, то он изаботятся о голосах для буржуазии. Точно так же, когда они дико кричат об уничтожении всяких свобод, они заботятся о свободах для буржуазии. Нельзя трогать буржуазной печати, буржуазных вождей, контр-революционные буржуазные организации — вот на деле позиция [illegible] господ.

Но, — скажут нам, — вы, ведь, закрывали и меньшевистские, и эсеровские газеты; партия коммунистов не раз посягала и на личности почтенных лиц, сидевших в свое время — при царе — в тюрьмах. Как же с этим быть? На этот вопрос можно ответить другим вопросом: когда правый эсер Гоц организовал восстание юнкеров и офицеров против солдат и рабочих,— что же, его по головке за это гладить? Когда правый эсер Руднев вместе с правым эсером полковником Рябцевым в октябре вооружили московскую белую гвардию, буржуазных сынков, домовладельцев и прочих баричей, золотую молодежь и вместе с офицерами и юнкерами пытались подавить пулеметами и залить кровью октябрьское восстание рабочих и солдат,—что же, повесить им за это орден на шею? Когда меньшевистская газета «Вперед» (по сути дела «Назад») и эсеровская «Труд» ждали московским рабочим в самый горячий и самый боевой момент, что Керенский взял Петербург, (а они это делали, чтобы разбить волю рабочих),—разве за такие провокаторские штуки хвалят?

Что следует изо всего этого? А из этого следует то, что, если социал-предательские деятели и социал-предательские органы начинают служить буржуазии уже чересчур горячо, если они перестают отличаться на деле в своих выступлениях от черносотенно-кадетских погромщиков, тогда и к ним можно и должно применять те же меры, что и к их возлюбленным хозяевам-благодетелям. Сейчас много таких господ, которые боролись против царя и помещика, но которые истомным голосом кричат, когда рабочие посягают на богатства буржуазии. За прошлое им — спасибо. Ну, а если они в настоящем ничем не отличаются от черносотенцев, — так уж чуять не взыщут.

Если для буржуазии и всех врагов пролетариата и крестьянской бедноты необходима узда, то для самого пролетариата и крестьянства полная свобода слова, союзов, печати и проч. обеспечена, и притом не только на словах, а и на деле. Никогда, ни при каком строе не было стольких рабочих и крестьянских организаций, как сейчас, при советской власти. Никогда никакое государство не помогало так многочисленнейшим рабочим и крестьянским организациям, как в наши дни, при советской власти. Это происходит по той простой причине, что советская власть есть власть самих рабочих и крестьян, и немудрено, что такая власть помогает другим организациям рабочего класса, поскольку это возможно, поскольку на это есть силы и есть средства. И — повторяем — коммунисты проводят на деле эти свободы, а не просто только возвещают их миру. Вот небольшой пример: свобода рабочей печати. Под напором со стороны рабочего класса и буржуазия могла бы согласиться на большую или меньшую свободу для рабочей печати. Но у рабочих нет средств, типографии все в руках капиталистов. Бумага — в руках капиталистов, которые все скупили. Рабочий ходит со своей свободой печати, а осуществить этой свободы не может: не на что и не на чем. Коммунисты же подбираются к господам владельцам типографий и бумаги и говорят им: пролетарское государство конфискует ваши типографии, объявляет их собственностью рабочего и крестьянского государства и предоставляет их в распоряжение товарищей рабочих,—пусть осуществляют они так на деле свое право на печать. Понятно, что господа капиталисты воют от этого. Но только так можно добиться действительной свободы рабочей печати!

Еще один вопрос можно задать нам: почему раньше большевики не говорили об уничтожении полной свободы для буржуазии. Почему они раньше сами стояли за буржуазно-демократическую республику? Почему они раньше сами стояли за Учредительное Собрание и не говорили о лишении буржуазии избирательных прав? Почему, словом, они теперь переменили свою программу по этим вопросам?

Очень просто, почему. Рабочий класс раньше не имел еще сил, чтобы итти на прямой штурм буржуазной крепости. Ему нужны были подготовка, накопление сил, просвещение масс, организация.

Он, например, нуждался в свободе рабочей печати, своей, а не хозяйской. Но он не мог притти к капиталистам и их государственной власти и выставить требование: закройте, господа капиталисты, свои газеты и откройте мои, рабочие. Над ним бы только посмеялись, потому что такое требование капиталисту предъявлять смешно: это значит, требовать от него, чтобы он резал себя собственными руками. Такие требования предъявляют только тогда, когда идут на штурм. А раньше не было такого времени. Вот почему рабочий говорил (и наша партия говорила): да здравствует свобода печати (всей печати, и буржуазной)! Или другой пример. Ясно, что рабочему классу хозяйские союзы, — те, которые выбрасывают рабочих на улицу, ведут черные списки и прочее, — очень вредны. Но рабочий класс не мог заявиться и сказать: закройте свои союзы, откройте наши. Для этого нужно было бы сломить капиталистическую власть. А на это не было сил. Вот почему тогда и наша партия говорила: мы требуем свободы союзов (вообще, не только рабочих).

Теперь времена изменились. Сейчас речь идет уже не о длительной подготовка к бою; сейчас мы живем во время после штурма, после первой крупной победы над буржуазией. Сейчас перед рабочим классом стоит другая задача: доломать сопротивление буржуазии.

Поэтому теперь рабочий класс, который действует во имя освобождения всего человечества от зверств и ужасов капитализма, должен с неуклонной решимостью эту задачу проводить до конца: никаких поблажек буржуазии, — полная свобода и возможность эту свободу осуществлять для рабочего класса и крестьянской бедноты.

VIII. Банки — общее достояние трудящихся.

(Национализация банков).

Мы видели выше, что причиной всех зол в капиталистическом обществе является то обстоятельство, что все средства производства принадлежат классу помещиков и капиталистов.

Мы видели также, что избавление от этого можно найти только на одном пути—на пути из,ятия этих средств производства из рук капиталистического класса (будь то отдельные капиталисты или хозяйские союзы, или буржуазное государство) и на пути передачи этих средств производства в руки трудящихся классов.

Это можно делать и это делается, раз у рабочих и крестьян есть в руках такое сильное оружие, как их трудовая, советская власть.

Понятно, что здесь нужно итти таким путем, чтобы прежде всего отнять у капитала самыя существенные и самые важные области, взять главные экономические крепости капитала. Во-вторых, необходимо начинать с того, что легче всего не только взять, но и организовать, поставить под свой контроль и учет, наладить дело так, чтобы оно шло наиболее гладко. Мы, ведь, знаем уже, что задача рабочего класса и деревенской бедноты состоит вовсе не в том, чтобы у богатых все отнять и отнятое разложить по своим карманам, расхитить и поделить, а в том, чтобы построить трудовое общество, по плану работающее и организующее производство продукта и его распределение. А отсюда следует, что рабочему классу в первую голову нужно ухватиться за те организации, которые и раньше существовали, но только для пользы капиталистов, и эти организации переделать на свой манер, поставить их на другую ногу, так, чтобы они служили не капиталистам и помещикам, не пройдохам-спекулянтам, а трудовому народу.

Поэтому как-раз наша партия и выставляет требование (это требование уже проведено в жизнь) национализации банков, то-есть передачи банков в руки пролетарско-крестьянского государства.

Обыкновенно думают, что все значение банков состоит в том, что в банковых погребах лежат кучи золота и массы бумажных денег и ценностей, и что именно из-за этого коммунисты зарятся на банки. На самом же деле это не так.

Современные банки — это не только денежные мешки. Это— нечто гораздо большее. А именно: банки являются организационной головкой, крупной капиталистической организации, которая управляет промышленностью. Как это происходит? А вот как. Капиталисты-промышленники

плачивают свои прибыли непрерывно, и капиталы текут к ним, как непрерывный поток. Куда девает капиталист получаемую прибыль? Часть он проедает, пропивает, прокучивает. Другую — значительно большую — часть он прибер тает для расширения своего «дела». Но расширить это дело он может не всякую минуту, а тогда, когда у него накопится, «притечет» к нему довольно солидная сумма, достаточная, скажем, для того, чтобы построить новый фабричный корпус или закупить новыя машины. До тех пор, пока этого нет, он, чтобы денежный капитал не лежал «даром», отдает его в банк и получает от банка определенный процент.

Спрашивается теперь, лежит ли капитал этот в банке и увеличивается там сам собой? Конечно, нет. Банк пускает этот капитал в дело. Он либо основывает свои предприятия и получает от них солидную прибыль, либо покупает часть паев (акций) уже имеющихся предприятий, либо покупает часть акций таких предприятий, которыя только-что возникают. На свои паи (акции) он получает процент (дивиденд), значительно более высокий, чем те суммы, которыя он выплачивает вкладчикам.

Разница остается в банке. Эта разница накопляется, снова пускается в дело, и таким образом растет собственный капитал банка. Чем дальше, тем больше банки становятся настоящими хозяевами промышленных предприятий: одними предприятиями они владеют 30 — 40 процентами частью. Опыт показал, что достаточно владеть 30 — 40 процентами всех паев, чтобы по сути дела всем распоряжаться. И в действительности так оно и происходит. В Америке, например, два банка распоряжаются и управляют всей промышленностью. В Германии четыре банка держат в руках хозяйственную жизнь страны. То же самое было до известной степени и в России. Громадное большинство крупных предприятий в Россия — это акционерныя общества (товарищества на паях).

И вот русские банки являлись владельцами очень большого количества акций (паев) этих предприятий, так что акционерныя общества находились в самой тесной связи и в полной зависимости от банков, были у них «под началом». Так как один банк распоряжается судьбами многих промышленных предприятий, то понятно, что ряд крупнейших банков является по существу дела главным управлением промышленности, центром, где сходятся нити от разного рода предприятий. Вот почему захват банков, изъятие их из частных рук, передача их в руки рабоче-крестьянского государства, или, как говорят, их национализация, должна была стать первейшей необходимостью для рабочего класса. Конечно, буржуазия, ее печать и ея подголоски подняли по этому поводу дикий вой: «Большевики — грабители! Большевики — воры! Не давайте грабить народного богатства и народных сбережений!» Но весь этот вой был вполне понятен: буржуазия чувствовала, что национализация банков есть переход к трудящимся классам главной крепости, главной твердыни капиталистического общества, и, следовательно, что это — первый и самый решительный шаг к разрушению мира наживы и эксплоатации. Рабочий класс наложил свою руку на теперешние банки — это значит, что он в значительной степени держит уже возжи от промышленности.

С другой стороны, нетрудно понять, что без национализации банков невозможно было бы оттеснить капиталиста на фабриках и заводах. Со-

Отдельная фабрика зависит от банка: или банк ее просто-напросто закрыл, или он владеет частью акций, или он дает ей кредит в каких-либо иных формах, на другой манер. Представим себе теперь, что на какой-нибудь фабрике рабочие все взяли под свой учет и контроль. Если банк — в частных руках, в руках буржуазии, тогда такому предприятию — крышка: ему банк заявит, что всякий кредит он прекращает. А это все равно, что отрезать осажденную крепость от подвоза. Тогда рабочие неминуемо должны были бы сдаться и кланяться в ноги хозяину. Значит, при национализации банков советским правительством рабоче-крестьянская власть получает возможность распоряжаться и управлять денежными средствами и всевозможными бумагами, которыя эти денежныя средства заменяют, для того, чтобы не только не препятствовать переходу промышленности в руки трудящихся классов, но, наоборот, чтобы этому переходу помогать. Сила, которая в руках банкиров была направлена против рабочих, становится в таком случае силой помогающей рабочему классу и направленной против капиталистов.

Главная дальнейшая задача состоит в том, чтобы различные, прежде частные банки слить в один народный банк, об,единить деятельность банков или, как говорят, централизовать банковое дело. Тогда, при переходе промышленности в руки рабочого класса, народный банк превратился бы в главную расчетную кассу, в учреждение, которое производит взаимныя «расплаты» между отдельными предприятиями и отдельными отраслями производства. В самом деле. Предположим, что от центрального банка зависит угольная, сталелитейная и железодеятельная промышленность. Каждая из них должна потреблять продукты другой: сталелитейные заводы должны получать уголь из каменноугольных копей, заводы, обрабатывающие сталь, должны доставать эту сталь у сталелитейных заводов, и так далее. Понятно, что раз все эти предприятия зависят целиком от банка, то всякия «расплаты» могут производиться простым переносом счетов; банк становится расчетной конторой, центральной бухгалтерией, где видны на лицо отношения между разными предприятиями и разными производствами. В зависимости от этих отношений банк поддерживает («финансирует») промышленность, снабжая ее денежными подкреплениями.

В конце-концов, если бы удалось как следует организовать все дело (а к этому и стремится наша партия и советская власть, во главе которой наша партия стоит), то получилась бы такая картина: все отрасли производства принадлежат трудовому рабочему государству; они об'единены центральным народным банком; здесь сходятся все нити от отдельных предприятий, об'единенных по отраслям производства; в банке ведется точный учет этих предприятий и всех сделок между ними, которыя взаимно переплетаются, так как одна отрасль производства поставляет продукт для другой; в банке, в этом счетоводстве общественного производства, отражается, таким образом, общее положение производства и отношение между различными частями этого производства. Централизованное и национализированное (то-есть об'единенное и находящееся в руках рабоче-крестьянского государства) банковое дело превращается в общественную бухгалтерию социалистического товарищеского производства.

IX. Крупная промышленность — рабочему народу.

(Национализация промышленности).

Крупнейшим шагом по пути изъятия средств производства из рук эксплоататоров является, как мы видели выше, пролетарская национализация банков. Но все же, если бы на местах, на самых фабриках и заводах, сохранились бы власть капиталистов, их право собственности хотя бы на ту часть крупного производства, которая не принадлежит банкам непосредственно, то хорошего получилось бы весьма мало. Эти предприятия тянули бы денежные средства из банка, и господа капиталисты преспокойно эксплоатировали бы своих рабочих да еще выклянчивали бы казенные субсидии, тратя их неизвестно на что. Поэтому переход к коммунистическому строю, который немыслим без национализации банков, в то же время немыслим без пролетарской национализации крупного производства.

И здесь рабочий класс и наша партия идут таким путем, чтобы не только сломать старое, вырвать у капиталистов распоряжение над производством, но и чтобы создать новые отношения. Вот почему национализация промышленности должна производиться, начиная с крупного производства и в первую голову с так-называемых **синдицированных отраслей.**

Что такое синдицированная (об.единенная в синдикаты) промышленность? Синдикаты — это крупные хозяйские союзы; когда капиталисты нескольких предприятий видят, что им не стоит отбивать друг у друга покупателя, а гораздо выгоднее заключить тесный союз для того, чтобы сообща обирать публику, тогда они организуют синдикат или еще более тесный союз фабрикантов, трест. Когда предприниматели не об.единены в такие союзы, то каждый из них сбивает цену другому: всякому хочется отбить покупателя у своего противника-конкурента; а это можно сделать только так, что продавать приходится дешевле, чем он; он тогда не выдержит, начнет разоряться. Такая борьба между самими предпринимателями-хозяевами приводит к тому, что мелкая сошка не выдерживает и гибнет: побеждают крупные акулы капитала, богатейшие предприниматели. Предположим теперь, что остается в какой-нибудь отрасли производства (скажем, в металлургической) три-четыре крупнейших фирмы. Если какая-нибудь из них сильнее других, тогда она ведет борьбу до тех пор, пока не разорить остальных. А если силы у них приблизительно одинаковы? Тогда ясно, что взаимная борьба безплодна: она будет истощать всех соперников в равной мере. Вот тут-то и появляется у них стремление заключить между собой сделку: они организуют союз этих предприятий и уговариваются, что будут продавать свой товар не ниже, чем по таким-то и таким-то ценам; они распределяют между собой заказы или назначают одной фирме один район, другой фирме — другой район, словом, полюбовно делят рынки между собой. Так как вошедшие в синдикат фирмы производят обычно гораздо больше половины всего продукта данной отрасли, то это означает, что синдикат господствует над рынком, что синдикатчики будут устанавливать очень высокия цены на продукт, обдирать своих земляков, как липку. Но раз они входят в союз, то совершенно естественно,

что им приходится создавать общее управление для прежде раздельных предприятий, вести совместный строгий учет производимых продуктов, налаживать распределение заказов, словом, организовывать производство. Не для народа, не для того, чтобы народ получал больше, а ради прибыли и барыша капиталистов, ради того, чтобы с рабочих больше драть, покупателя обирать, — вот для чего соединяются капиталисты в свои союзы.

Теперь понятно, почему рабочий класс должен в первую голову национализировать те отрасли производства, которые были синдицированы. Это — потому, что сами капиталисты организовали их. А с организованным производством — хотя бы его организовали сперва господа капиталисты — легче справиться. Нужно, конечно, переделать капиталистические организации на совсем другой манер; нужно вышибить оттуда замаскированных врагов рабочего класса; нужно обеспечить прочную позицию для рабочих так, чтобы все было рабочим подчинено; кое-что нужно уничтожить совсем. Но и для малого ребенка понятно, что такими отраслями производства овладеть легче. Тут все равно, что с казенными железными дорогами: они были организованы буржуазным государством. Но все-таки, как-раз потому, что здесь было централизованное управление, была организация, и рабочему государству их легче взять в свои руки.

В Западной Европе (в особенности в Германии) и в Соединенных Штатах Америки почти все производство за время войны перешло к буржуазному разбойничьему государству. Буржуазия там решила, что ей не достигнуть победы, если грабительская война не будет поставлена по последнему слову науки. А современная война требует, чтобы на все не только тратили деньги, но и все производство было организовано для войны, чтобы был строгий учет всего, чтобы лишнего ничего не тратилось, чтобы все силы были правильно распределены. А это возможно только тогда, когда есть централизованное об'единенное управление. Буржуазия Европы сделала это, предоставив почти все производство своему разбойничьему государству. Понятно, что здесь это организованное производство не для того организовано, чтобы приносить пользу рабочему классу, а для того, чтобы вести грабительскую войну и давать на ней наживаться буржуазии. Немудрено, что во главе этой организованной каторги стоят генералы, банкиры, самые крупные эксплоататоры. Немудрено также, что рабочий класс там подавлен, превращен в белого раба, в крепостного. Но, с другой стороны, если рабочий класс разобьет там буржуазную государственную машину, тогда ему будет очень легко овладеть производством и поставить его на новый лад; ему придется выгнать генералов и банкиров, посадить всюду своих людей; но он сможет использовать тот аппарат учета, контроля, управления, который был уже создан хищниками капитализма. Вот почему западно-европейскому рабочему в тысячу раз труднее начать (разрушить крепчайшее буржуазное государство), но будет легче кончать, имея под рукой организованное буржуазией производство.

Русская буржуазия, которая видела, что ея власть непрочна, что пролетариат близок к победе, боялась ступить решительно на тот путь, по которому пошла западно-европейская буржуазия. Она понимала, что вместе с государственной властью к рабочему классу перейдет тогда и налаженное производство. Вот почему она не только не заботилась об организации, но, наоборот, стремилась к разрухе и даже при Керенском еще саботировала (портила) производство.

Однако, нужно заметить, что еще до войны в России, отчасти благодаря иностранному капиталу, важнейшия отрасли промышленности были уже синдицированы. В особенности это нужно сказать о так-называемой тяжелой промышленности (каменный уголь, металлургическое производство и т. д.). Всем известны такие громадные синдикаты, как »Продаметал«, «Продуголь», «Продвагон», «Кровля» и прочие. Вот эту-то тяжелую индустрию и необходимо национализировать прежде всего (это уже и делается; напр., уральское производство национализировано почти сплошь), а затем национализировать вообще всю крупную промышленность. Вместе с переходом в руки рабочего государства крупной промышленности и мелкая будет поставлена от нея в зависимость. Ведь, очень многия мелкия производства зависят весьма сильно от крупных. Бывает так, что они являются простыми починочными мастерскими при крупных предприятиях; в другом случае они сбывают свои продукты крупному предприятию; в третьем они зависят от него, как покупатели сырого материала; в четвертом они зависят от банков, и так далее. Вместе с национализацией банков и крупной промышленности они сразу становятся в своего рода подчинение национализированному производству. Конечно, остается еще масса маленьких хозяйчиков, кустарей и т. д. Их в России очень и очень много. Но все же основа нашей промышленности — это вовсе не кустари, а крупное производство, и национализация рабочим государством этого производства наносит капиталу непоправимый удар. Банки и крупная промышленность — две главныя крепости капитала. Их экспроприация, то-есть их захват рабочим классом, рабочей властью есть конец капитализма и начало социализма. Средства производства — эта главнейшая опора человеческого существования — отнимаются здесь у кучки эксплоататоров и передаются в руки рабочего класса, в руки рабоче-крестьянской власти.

Меньшевики и правые эсеры, которые ни шагу не хотят отступать от капитализма и идут рука-об-руку с буржуазией, страшно возстают против всяких национализаций при советской власти. Это происходит потому, что они, так же, как и буржуазия, прекрасно чувствуют, что здесь наносится жестокий удар в самое сердце капиталистического строя, который им так мил и приятен. При этом они морочат голову рабочим, разсказывая, что мы «не дозрели» до социализма ,что у нас такая отсталая промышленность, что организовать ее абсолютно невозможно, и так далее. Мы уже видели, что все это далеко не так. Отсталость России заключается вовсе не в том, что в нашей промышленности мало крупных предприятий,— наоборот, у нас их очень много. Отсталость наша заключается в том, что вся наша промышленность слишком мало занимает места по сравнению с деревней. Но и тут нельзя преуменьшать значения нашей промышленности: ведь, недаром рабочий класс ведет за собой все живыя силы ре[illegible]

Любопытно еще вот какое обстоятельство. Господа меньшевики и правые эсеры выставляли в свое время, когда власть была у буржуазии и у них, программу государственнаго регулирования промышленности. Тогда они не плакали по поводу нашей отсталости. Тогда они полагали возможным организовать промышленность. В чем же дело? А в очень простой вещи. Меньшевики и правые эсеры считают нужным, чтобы буржуазное государство организовывало производство (в Западной Европе и

этим согласится и Вильгельм, и Георг, и президент Вильсон); партия коммунистов, наоборот, хочет, чтобы производство было организовано пролетарским государством. Вот как просто открывается ларчик. Тут все та же старая история: меньшевики и эсеры идут назад, к капитализму, коммунисты — вперед, к социализму и к коммунизму. И самым крупным шагом по этому пути коммунисты считают национализацию банков и национализацию крупного производства.

X. Общественная обработка народной земли.

Октябрьская революция сделала то, что добивались русские крестьяне в течение столетий: она отобрала у помещиков землю и передала ее в руки крестьян. Вопрос заключается теперь в том, как с этой землей распорядится. И тут мы, коммунисты, должны занять такую же позицию, как и в вопросе о дележке промышленного производства. Конечно, землю поделить можно не так, как фабрику. Но что бы вышло из дележки земли в частную собственность, из раздела земли между отдельными крестьянами? Вышло бы то, что тут, у кого припасены были кое-какие денженки, кто посильнее да побогаче, вышел бы быстро «в люди», превращался бы в кулака-мироеда и ростовщика, из кулаков лез бы еще выше, начинал бы скупать землю у тех, кто беднеет. Глядишь, через некоторое время деревня поделилась бы снова на крупных владельцев земли — помещиков и бедняков, которым оставалось бы одно: либо итти в город, либо наниматься у деревенского богатея. Правда, эти новые помещики были бы не из дворян, а из богатых мужиков, но эта разница небольшая. Кулак-помещик — это настоящий паук, «жох», который будет сидеть на шее у бедноты еще более крепко, чем вырождающийся дворянчик, захудалый и ни к чему не способный.

Значит, на пути раздела нет никакого выхода. Выход этот только в общественной, народной собственности на землю, в том, что земля об,является общим достоянием трудящихся. Советская власть провела закон о социализации земли; помещики на самом деле отстранены от нея. Земля стала общей собственностью трудового народа.

Но этого мало. Нужно стремиться к такому устройству, чтобы землею не только сообща владели, но чтобы ее сообща и обрабатывали. Если нет этой общей товарищеской обработки, то тогда, что ни об.являй, какие законы о социализации ни издавай, все равно из этого ровно ничего не выйдет. Один будет ковыряться на своем «трудовом» наделе, другой—на своем и, если будут так жить врозь, без взаимной помощи и без общей работы, мало-помалу приучатся смотреть на землю, как на свою частную собственность. И никакие законы сверху тут ничего не помогут. Общая обработка земли — вот к чему нужно стремиться, вот чего нужно добиваться.

В сельском хозяйстве точно также как и в промышленности, лучше всего можно вести производство в крупном размере. При крупном производстве можно употреблять хорошия сельске-хозяйственныямашины,можно сберегать всякий материал, самую работу поставить по одному плану, всякого работника поставить к своему месту, вести всему строгий учет, чтобы зря не расходовать ни материалов, ни сил. Задача поэтому заключается вовсе не в том, чтобы каждый крестьянин копался на маленьком трудовом

мещичьих, как нажитый жук, на своей кучке, и в том, чтобы крестьяне-бедняки переходили к совместному труду по возможности в самом крупном размере.

Как это сделать? Это можно и должно делать двумя путями: во-первых, товарищеской обработкой прежних крупных помещичьих имений; во-вторых, организацией трудовых сельско-хозяйственных коммун.

В прежних помещичьих имениях, где земля не целиком сдавалась в аренду крестьянам, а где велось свое собственное хозяйство, это хозяйство велось, конечно, в десять раз лучше, чем у крестьян. Вся беда была только в том, что доходы-то от этого поступали в руки помещиков, сидевших на крестьянской шее. И вот тут для коммунистов ясно одно: точно так же, как рабочие вовсе не должны расхищать фабричный инвентарь, делить его между собой и портить фабрику, точно так же должны поступать и крестьяне. В помещичьих имениях бывает подчас много добра: тут и лошади, и рогатый скот, и плуги всякие, и запасы семян, иной раз и машины-жнейки, косилки всякие, и так далее. В других имениях есть молочное хозяйство, сыроварни, целые заводы понастроены. И вот было бы глупо все это по отдельным дворам растаскать и расхитить. В этом заинтересованы кулаки: они знают, что рано или поздно все в их руки попадет, что они скупят у бедного мужика его долю. Кулак отлично понимает, что на этом пути денежки ему будет, в конце-концов, «лафа». Наоборот, совсем другие интересы у бедных крестьян, у полупролетариев, у тех, кто сам еле-еле перебивался, а то и наниматься ходил. Для деревенской бедноты в тысячу раз выгоднее поступать с крупными имениями так, как рабочие поступают с фабриками: взять их под свой учет, контроль и управление; сообща обрабатывать бывшее помещичье имение; не расхищать по отдельным дворам, а сообща пользоваться всеми машинами и инвентарем, которые раньше были у помещика, а теперь перешли в руки крестьян; на общественный счет приглашать к себе агрономов знающих людей, и обрабатывать землю не подурацки, — а так, чтобы земля родила не меньше, чем она родила у помещика, а больше. Взять землю нетрудно. Взять имения тоже оказалось нетрудно. Это и нужно было сделать. Как ни отговаривали эсеры и меньшевики мужиков (дескать, мол, беззаконие, и ничего из этого не выйдет, и одна кровавая баня из-за этого в деревне получится, и то да се), но крестьяне землю взяли, а советская власть им в этом помогла. Гораздо труднее эту землю удержать в руках трудящихся, уберечь ее от кулаков, у которых уже разгорелись глаза на нее. И тут-то вот крестьянской бедноте нужно помнить, что она зорко должна смотреть за целостью общественного добра. Ведь, теперь бывшее помещичье добро — это добро общественное. Его нужно хранить и беречь, как зеницу ока. Его нужно приумножать на пользу всех трудящихся. Тут нужно, действительно, организовать дело так, чтобы выборные крестьянской бедноты и рабочих, волостные советы и их земельные отделы за всем следили, не давали ничему пропадать и помогали бы общественной обработке бывших помещичьих имений. Чем больше будет налажено общественное производство в таких имениях, тем лучше. Это значит, что и хлеб будет лучше родиться, и кулаки не добьются своего, а что крестьяне будут все больше и больше учиться совместной, общей работе — самая важная для коммунизма вещь.

Но не только нужно сохранять старые помещичьи имения, чтобы их обрабатывать на новых началах. Нужно стремиться к организации из маленьких трудовых надельчиков общих крупных сельскохозяйственных трудовых коммун. Теперь, ведь, власть в руках самих рабочих и крестьян. А это значит, что она будет,—поскольку это возможно,—помогать всякому благому начинанию. Нужно лишь, чтобы сами беднейшие крестьяне и полупролетарии, а также бывшие батраки проявили больше самодеятельности, своего собственного почина. Слабосильные крестьяне-бедняки в одиночку ничего не смогут сделать, будут едва-едва в состоянии как-нибудь держаться. Но они смогут многого добиться, если начнут свои трудовые наделы соединять, совместно доставать себе оборудование—при помощи городских рабочих—и, таким образом, сообща обрабатывать землю на товарищеских началах. Городские советы и хозяйственные организации рабочих будут таким трудовым сельскохозяйственным коммунам помогать, доставлять им железные и мануфактурные продукты; они будут помогать им в доставке агрономов и сведущих людей. Мало-по-малу, таким образом, прежний захудалый мужичонка, который дальше своего огорода ничего не видел, начнет превращаться в товарища, который вместе с другими товарищами, нога в ногу, рука в руку будет итти по пути совместной работы в крупном размере.

Понятно, что для такой постановки всего дела нужна хорошая организация крестьянской бедноты. Эта организация должна иметь перед собой две главные задачи: во-первых, борьбу с деревенскими кулаками, с ростовщиками, прежними трактирщиками, словом, с сельско-хозяйственной буржуазией; во-вторых, налаживание сельскохозяйственного производства, контроль над тем, как распределяется земля; организацию трудовых коммун, заботу о правильном использовании прежних помещичьих имений; другими словами—громадную работу нового земельного устройства. Такую организацию беднейшие крестьяне должны строить в виде волостных советов, а при этих волостных советах заводить всякие специальные отделы: напр., продовольственный, земельный и так далее. Земельные отделы крестьянских советов и должны быть оплотом деревенской бедноты в земельном вопросе. Для того, чтобы дело вернее было, лучше всего устраивать организацию этих советов так, чтобы местные или близко живущие фабричные рабочие тоже имели там своих представителей; рабочие—народ более опытный, чем крестьяне, более привыкший к товарищескому ведению дел, более опытный также в том, как бороться с буржуазией. Рабочие всегда будут поддерживать деревенскую бедноту против богатеев, а потому в них деревенская беднота найдет себе наилучших помощников.

Беднота не должна дать себя провести. Боролись-боролись за землю, наконец, отвоевали ее у помещика. Как бы не проворонить ее снова! Как бы не выпустить ее из своих рук! Эта опасность есть, если итти по пути раздробления земли и раздела в частную собственность. Эта опасность исчезнет, если деревенская беднота вместе со всем рабочим классом пойдет по пути возможно более крупного товарищеского производства. Тогда мы на всех парах пойдем к коммунизму.

XI. Рабочее управление промышленностью.

Как на земле главная роль в управлении землей на местах постепенно переходит к организациям крестьянской бедноты—волостным

стьянским советам с их отделами, так точно и управление промышленностью будет переходить и переходить (а наша партия именно этого и требует) к рабочим организациям и органам рабоче-крестьянской власти.

До октябрьской революции и в первое время после нея рабочий класс и наша партия выдвигали требование рабочего контроля, то-есть рабочего наблюдения за тем, чтобы на фабриках и заводах капиталисты не скрывали запасов топлива и сырья, не мошенничали и не спекулировали, не портили производства и не смели рассчитывать рабочих как попало. Над производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, над хранением их, над денежными средствами предприятий устанавливался рабочий надзор. Однако, простого надзора оказалось недостаточно. В особенности не достаточен оказался такой надзор при национализации производства, когда всякие права господ-капиталистов уничтожаются, и когда предприятия или целые отрасли производства переходят к государству рабочего класса и крестьянской бедноты. Здесь ясно, что на одном надзоре далеко не уедешь, что необходим не только рабочий контроль, а рабочее управление промышленностью: рабочие организации, фабрично-заводские комитеты, профессиональные союзы, экономические отделы советов рабочих депутатов, наконец, органы рабоче-крестьянской власти (разного рода специальные комитеты, советы народного хозяйства и т. д.)—вот те организации, которые должны не только надзирать, но и управлять. Здесь нужно отметить вот что.

Среди некоторых слоев несознательных рабочих господствует такое понимание дела: мы, мол, берем нашу фабрику в наши руки — и баста. Раньше, положим, фабрика была собственностью фабриканта Сидорова, теперь она—собственность рабочих этой фабрики. Такой взгляд, конечно, неверен. Он очень сильно напоминает дележку. В самом деле, если бы образовалось такое положение, когда каждая фабрика принадлежит рабочим только этой фабрики, тогда получилось бы то, что между фабриками началась бы конкуренция; одна суконная фабрика стремилась бы нажить больше, чем другая, они стали бы отбивать друг у друга покупателя; при этом рабочие одних фабрик разорялись бы, других—богатели, нанимали бы себе работничков из разорившихся,—словом, знакомая картина: как и при дележке, в скором времени возвратился бы капитализм.

Как бороться против этого? Очевидно, что нужно создать такой порядок рабочего управления предприятиями, который приучал бы рабочих ко взгляду, что каждая фабрика есть собственность не рабочих этой фабрики, а всего рабочего народа. Достигнуть этого можно следующим образом. На каждой фабрике и на каждом заводе может быть рабочее правление, но составлять его нужно так, чтобы большинство этого правления было не из рабочих этой фабрики, а состояло бы из рабочих, посланных профессиональным союзом данной отрасли производства, советом рабочих депутатов и, наконец, областным советом народного хозяйства. Если правление будет составлено из рабочих и служащих (рабочим должно быть обеспечено большинство, так как они—более надежные сторонники коммунизма), а большинство рабочих будет не с данной фабрики, то фабрика будет управляться так, как того требуют интересы всего рабочего класса в целом.

Всякому рабочему понятно, что фабрики и заводы не могут обходиться без бухгалтеров, техников, инженеров и проч. Поэтому задачей рабочего класса является поставить себе эти слои на службу. Пока рабочий класс

еще не мог выделить из своей среды таких специалистов (а он их будет иметь, если удастся провести планы о всеобщем образовании и о доступности специального высшего образования для всякого), до тех пор ему волей-неволей придется приплачивать и переплачивать этим специалистам. Пусть они послужат рабочему классу так, как они раньше служили буржуазии. Раньше они были под ее контролем и надзором, теперь они будут под контролем и надзором рабочих и служащих.

Для того, чтобы производство шло гладко, необходимо, как мы выяснили уже раньше, чтобы был общий об,единенный план. Этого весьма мало, что на каждой крупной фабрике будет свое рабочее правление. Ведь, фабрик много, существуют разные отрасли производства; все они связаны между собой, все зависят друг от друга: дают каменноугольные копи мало угля,—останавливаются фабрики и железные дороги; нет нефти,—не могут ходить пароходы; нет хлопка,—нечего делать текстильным фабрикам. Тут, следовательно, нужно создать такую организацию, которая охватывала бы все производство, имела бы общий план и была соединена с рабочими правлениями отдельных фабрик и заводов, вела всем запасам и всем потребностям точный учет, не по одному городу и не для одной фабрики, а для всей страны. Необходимость такого общего плана в особенности видна на примере железных дорог. Всякий младенец сейчас понимает, что от железнодорожной разрухи происходят невероятные бедствия; в Сибири, например, есть лишний хлеб, а в Петербурге чуть ли не голод. Почему? Потому что даже тот хлеб, который есть, недоступен для жителей Петербурга,—его не могут перевезти как следует. Для того, чтобы было правильное движение, необходимо, чтобы все было подсчитано и распределено. А это возможно лишь при едином плане. Представим себе, что на одной версте железными дорогами управляют по-одному, на другой—по-другому, на третьей—по-третьему, не считаясь друг с другом. Получилась бы ужасная каша. Этой каши можно избежать лишь при централизованном, об,единенном управлении. Поэтому появляется необходимость в таких рабочих органах, в таких трудовых организациях, которые об,единили бы целые отрасли производства, которые связывали бы эти отрасли производства между собой, которые, наконец, соединяли бы в одно целое, об,единяли бы деятельность разных районов страны: Сибири, Урала, северных губерний, центра и так далее. Такие органы создаются: это—районные и областные советы народного хозяйства, затем специальные комитеты, об,единяющие целые отрасли производства или торговли (например, Центротекстиль, Главсахар и т. д.), а на самом верху, как центральная организация,—Высший Совет Народного Хозяйства. Все эти организации стоят в связи с советами рабочих депутатов и работают совместно с советской властью. По своему составу, они состоят, главным образом, из представителей рабочих организаций и опираются на профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, союзы служащих и так далее.

Так мало-помалу создается сверху доизу рабочее управление промышленностью. На местах—фабрично-заводские комитеты и рабочие правления; повыше—районные и областные комитеты и советы народного хозяйства и, как верхушка организации, Высший Совет Народного Хозяйства. Задача рабочего класса состоит теперь в том, чтобы расширять и всемерно укреплять рабочее управление промышленностью, вовлекая самые широкие массы для этого дела. Забота пролетариата, который берет в свои руки

производство не в собственность отдельных лиц или группы, а в собственность всего трудящегося класса, эта забота должна состоять в том, чтобы поддержать центральные и областные рабочие организации тысячами своих ячеек, рабочих правлений на местах, на отдельных фабриках и заводах. Если высшие органы управления не будут опираться на местные, тогда они повиснут в воздухе, превратятся в чиновничьи или, как говорят, бюрократические учреждения, от которых отлетит живой революционный дух. Наоборот, они будут в состоянии справиться с ужасной разрухой, если со всех сторон они будут поддержаны живыми силами рабочего класса на местах, и каждое распоряжение центральных рабочих организаций будет находить отклик и не за страх, а за совесть проводиться в жизнь рабочими организациями и рабочими массами на местах. Чем больше сами массы будут обсуждать все дела, чем горячей и участливее будут они относиться к выборам своих правлений, к работе на заводах и фабриках, к тому, чтобы всякие непорядки и жульничество беспощадно изгонять, тем скорее рабочий класс овладеет в действительности, а не только на словах всем промышленным производством, и будет осуществлена не только политическая, но и экономическая, хозяйственная диктатура рабочего класса, то-есть рабочий класс станет действительным хозяином не только в управлении армией, судом, школой и прочими делами, но и в управлении производством. Только тогда будет в корне подорвано могущество капитала, и убита возможность того, что капитал снова сможет сесть на шею рабочему классу.

XII. Хлеб—только трудящимся!

(ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ ДЛЯ БОГАТЫХ).

Переход к коммунистическому строю означает переход к такому строю, где не будет никаких классов, никакого классового различия между людьми, а где все в равной мере будут не наемными рабочими, а общественными работниками. К подготовке этого строя нужно переходить немедленно. И одним из первых шагов к этому, наряду с пролетарской национализацией банков и производства, является введение трудовой повинности для богатых классов.

Сейчас есть много людей, которые ничего не делают, не производят никакого продукта, а исключительно потребляют, проедают, нанашивают, тратят то, что наработали другие. Более того,—находятся люди, которые не только не работают, но стремятся всей своей деятельностью, всеческими средствами напортить и напакостить советской власти и рабочему классу. У всех рабочих перед глазами стоит пример саботажа, которым занималась русская интеллигенция—учителя, инженеры, доктора и прочие „ученые люди“. О более крупных птицах—директорах фабрик и банков, бывших высших чиновниках, и так далее—и говорить не приходится. Все они прилагали усилия, чтобы дезорганизовать, разрушить в корне работу пролетариата и советской власти. Задача пролетариата состоит в том, чтобы заставить и господ биржу, и господ бывших помещиков, и многочисленных интеллигентов из зажиточных—заставить их работать на общую пользу. Как это сделать? Путем введения рабочих бюджетных книжек и трудовой повинности. Каждый из таких граждан получает

особую книжку, в которой ведется счет его работе, его обязательному труду. Под записи в его рабочей книжке ему дается право на покупку или получение определенных продуктов, в первую голову хлеба. Если человек отказывается работать (предположим, что он —саботажник из бывших чиновников или взбесившийся против рабочих бывший фабрикант или бывший помещик, который никак не может помириться с тем, что у него уплыла земля, на которой он сидел десятки лет); так вот, если такой человек отказывается трудиться, то в его рабочей книжке нет соответствующей записи; он идет в лавку, а ему говорят: „Для вас ничего нет; пожалуйте запись о вашей работе".

При таких порядках масса тунеядцев, которая заполняет Невский проспект и главные улицы крупных городов, будет волей—неволей вынуждена приняться за дело. Само собой разумеется, что проведение в жизнь подобной трудовой повинности натыкается на большие трудности. Богатые и средне-зажиточные классы и группы будут всеми мерами отлынивать от обязанности трудиться и будут всеми мерами, с другой стороны, чинить препятствия таким порядкам. Наладить дело так, чтобы некоторые продукты получались только под записи в рабочих книжках, чтобы иначе эти продукты не выдавались,—дело не легкое. У богатых, у которых есть деньги (а деньги теперь—это значки для получения продукта), есть в то же время тысячи возможностей обманывать советскую власть, обманывать рабочих и крестьянскую бедноту. Нужно эти возможности уничтожить правильной организацией снабжения.

Трудовая повинность для богатых может вводиться, скажем, таким образом: всякое лицо, получающее доходу свыше 500—600 руб. в месяц, всякое лицо, нанимающее рабочих, всякая семья, имеющая домашнюю прислугу и так далее, получает потребительско-рабочую книжку. По таким, примерно, признакам может вводиться трудовая повинность для богатых.

Разумется, трудовая повинность для богатых должна быть переходом ко всеобщей трудовой повинности. Не только потому, что поднять производительность нашей промышленности и сельского хозяйства можно лишь путем привлечения к работе всех способных трудиться членов общества, но и потому, что необходимы строгий учет рабочих рук и правильное распределение этих рабочих рук по различным отраслям производства и по отдельным предприятиям. Как в войне нужно, с одной стороны, мобилизовать все силы, а с другой,—их учесть и правильно организовать, точно так же в войне с хозяйственной разрухой нужно подтянуть все пригодные для этой войны слои населения, их учесть и их организовать в одну великую трудовую армию с трудовой дисциплиной и с пониманием своих трудовых обязанностей.

Сейчас у нас в России, в силу хозяйственной разрухи, недостатка топлива и сырья (а это бедствие особенно увеличилось потому, что банды немецкаго империализма заняли юг России и Украину),—громадная безработица. Поэтому получается такое положение: с одной стороны, ясно, что мы можем выехат лишь на живой рабочей силе, на том, что труд повысит производительность нашей промышленности и сельского хозяйства, при чем эта живая рабочая сила—рабочия руки—есть; с другой стороны, несмотря на то, что этих рабочих рук

много, им некуда и негде приложить свои силы. И без того безработица. Куда же ставить еще больше людей, которых рабоче-крестьянская власть обяжет трудиться? Правда, одной из важнейших задач является организация общественных работ и всевозможных государственно-важных сооружений (проведение железных дорог, разработка новых рудников, осушительные и оросительные работы разработка торфяных залежей, постройка зерновых складов, так-называемых элеваторов и так далее). Но опять-таки понятно, что сразу эта работа не сможет поглотить того огромнаго количества излишних рабочих рук, которыя имеются.

Поэтому на самых первых порах придется ограничиться точным учетом рабочих рук, с обозначением профессии и специальности и с ведением обязательной службы по требованию советской власти или рабочих органов по управлению производством. Поясним это примером. Предположим, что для обследования новых рудников в Сибири нужны инженеры-специалисты. Металлургический отдел или горный отдел Совета Народного Хозяйства заявляет на них требование. Отдел учета рабочих сил смотрит по профессиональным спискам, находит там соответствующих лиц, и они, как взятые на учет, обязаны ехать туда, куда посылают их вышеупомянутые отделы.

Понятно, что по мере того, как будет налаживаться организация производства, и будет, таким образом создаваться возможность работать, постепенно будет воплощаться в жизнь и трудовая повинность, то-есть привлечение к обязательному общественному труду всех трудоспособных элементов.

Трудовая повинность сама по себе—это далеко не новая вещь. Сейчас во всех почти воюющих странах империалистския правительства ввели трудовую повинность для населения (в первую голову, для угнетенных классов). Но та трудовая повинность, которая введена в западной Европе, как небо от земли далека от той, которую необходимо вводить нам. В империалистских государствах ея введение означает полное порабощение рабочаго класса, полное закабаление его со стороны финансового капитала и со стороны разбойничьяго государства. Почему? Да очень просто почему: потому, что рабочие не сами управляют собой, а ими управляют по своему распоряжению генералы, банкиры, крупные синдикатчики, буржуазные пройдохи-министры. Рабочий здесь—простая пешка в их руках. Он, как крепостной которым барин мог распоряжаться, как угодно. Неудивительно, что трудовая повинность на Западе означает сейчас новую барщину, крепостную повинность, военную каторгу. А вводится она там для того чтобы велась без конца грабительская война, и чтобы рабочие наби, вали карманы господ капиталистов.

У нас рабочие сами, через свои собственныя организации, должны вводить и проводить трудовую повинность на основе самоуправления рабочих. Никакие буржуа над ними здесь не стоят. Наоборот, рабочие стоят над прежними буржуа. Контроль, учет, распределение рабочих рук—все это является у нас делом рабочих организаций, а поскольку трудовая повинность будет переходить на деревню, делом крестьянских советов, которые будут стоять над сельской буржуазией и подчинять ее себе. Все органы, которые будут заведывать рабочи-

ми руками, будут снизу доверху рабочими органами. Это вполне естественно: если управление промышленностью будет и становится рабочим управлением, то и заведывание трудом будет в руках рабочих, —ведь это только часть управления производством.

Перед рабочим классом, который хочет овладеть (и овладевает, несмотря ни на какия препятствия) экономической, хозяйственной жизнью, перед рабочим классом, который становится хозяином всех богатств,—выдвигается основной вопрос об организации производства. Организация производства требует, с своей стороны, разрешения двух главных задач: организации средств производства (учет, контроль, правильное распределение топлива, сырья, машин, инструментов, семян и т. д.) и организации труда (учет, контроль, правильное распределение рабочих рук). Для того, чтобы всемерно использовать все силы общества, и необходима трудовая повинность, которую рабочий класс рано или поздно введет. Дармоеды тогда исчезнут—останутся полезные для общества работники.

XIII. Правильное распределение продукта; уничтожение торговой прибыли и спекуляции; потребительския коммуны.

Овладеть производством нельзя по—настоящему без того, чтобы овладеть распределением продуктов. Если производимый продукт распределяется неправильно, тогда не может происходить и правильное производство. Предположим, что национализированы все крупнейшия отрасли промышленности. Как мы видели выше, одна отрасль производства работает для другой. Чтобы производство шло правильно, нужно, чтобы для одной отрасли поступало столько материалу, сколько необходимо для нея, для одного предприятия—одно количество, для другого—другое. Значит, производимый продукт необходимо правильно по плану, в соответствии с потребностями производства, распределять. Всевозможные органы снабжения, то-есть такия рабочия организации, которыя заведуют распределением продуктов, должны быть связаны с органами, заведующими производством этого продукта. Только тогда может гладко итти все производство в целом.

Но есть такого рода продукты, которые непосредственно переходят к потребителю в его личное пользование, точно так же, как хлеб. Таковы, например, многие пищевые продукты, большая часть тканей, много резиновых изделий (напр., калоши никакая фабрика не покупает, они идут в личное пользование потребителя) и прочее. Тут нужен точно так же строгий учет и справедливое распределение этих продуктов среди населения. А это справедливое распределение совершенно невозможно без проведения в жизнь определеннаго плана. Сперва надо учесть количество продукта, потом потребность в нем, а затем, на основании таких подсчетов, распределять. Самый наглядный пример необходимости такого единаго плана, это—вопрос о продовольствии, вопрос о хлебе. Сейчас буржуазия, кулаки, правые эсеры, меньшевики, зажиточные мироеды—мужики—все благим матом кричать о том, что нужно хлебную монополию отменить и позволить спекулянтам, крупным и мелким, оптовикам и мешочникам действовать, как им заблагоразсудится. Понятно, почему барышники заинтересованы в отмене монополии: как никак, а эта монополия мешает им драть по

ными шкур с потребителя. С другой стороны, ясно, что и теперь происходит ерунда: богатые преспокойно едят белый хлеб, покупая его из-под полы, а уж о черном и говорить нечего: они платят значительно дороже и все имеют. Кто им в этом помогает? Да, конечно, господа спекулянты. Ведь, у них забота не о том, чтобы накормить население, а о том, чтобы получить больше, чтобы хапнуть больше в карман. А известно, что больше может дать богатый, а не бедный. Поэтому спекулянты свозят хлеб не в те места, где больше нужды, а в те, где хорошо могут заплатить. И этому еще не удалось положить предела. Отсюда ясно видно, что для того, чтобы наладить правильное распределение хлеба, не только не нужно отменять хлебной монополии и работы продовольственных комитетов и продовольственных управ, а совсем наоборот нужно эту монополию проводить самым строгим образом, со спекулянтами расправляться безпощадно, на частных торговцев наводить страх, чтобы они не смели наживаться на народном бедствии и разстраивать общий план. Беда сейчас состоит не в том, что есть монополия, и нет частной торговли, а в том, что монополия на хлеб проводится сиверно, а частная торговля из-под полы процветает. И это в такое время, когда хлеба мало, когда немцы забрали богатейшия области, когда во многих местах пропадет хлеб, оставленный на семена, и поля останутся не засеянными, когда люди голодают! Дорог каждый кусок хлеба, неоценим сейчас каждый фунт муки, каждый фунт зерна. И как раз поэтому все должно быть взято под строжайший учет, чтобы ни крошка не пропадала даром, чтобы весь хлеб распределялся поровну, чтобы богатые не пользовались никакими преимуществами. Это, повторяем, можно сделать и этого можно добиться, если за дело возьмутся дружно все рабочие, если они будут помогать рабочим организациям в этом деле, если они будут ловить спекулянтов и жуликов.

Много, к несчастью, у нас есть и несознательных бедняков, которые сами, на свой страх и риск, делают закупки, помимо продовольственных рабочих организаций, и этим самым тоже разстраивают общий план. Каждый из них думает: „Как ты там ни говори, а сам я за себя лучше постою", и едет закупать хлеб, а потом не дорого получаются всякия столкновения из-за этого хлеба, и начинается недовольство: не дают, мол, о себе заботиться. А на самом деле очень часто дело походит здесь вот на что. Представим себе, что едет поезд, битком—набитый людьми, которые стоят и в проходах и лежат на полу, яблоку, яблоку упасть некуда. И вдруг один чувствует запах гари, кричит благим матом: „Пожар!", и, как остервенелый, расталкивая всех кулаками, мчится к выходу. Обезумевшие люди ломятся сразу в двери, возникают дикая давка и свалка, люди кусают, бьют друг -друга, переламывают друг—другу ребра, давят детей. В результате—десятки убитых, раненых, изуродованных. Хорошо? А могло бы быть совсем не так. Если бы нашлись разумные люди, которые остановили бы толпу, успокоили ее,—все бы вышли по порядку, без единой царапины! Почему же так все случилось? Потому что всякий думал: я сам за себя, до других мне дела нет. А в конце-концов, глядишь, ему первому шею свернули.

Вот точно такая же история происходит и с теми, кто самостоятельно закупает хлеб, вопреки постановлениям рабочих продовольственных организаций. Каждый думает, что он поможет себе. А в результате что происходит? Происходит то, что этими закупками тормозится всякий правильный учет того, что есть; что благодаря им делается невозможной правильная развозка хлеба: нужно, положим, в одну местность, где форменный голод, отпустить хлеб за счет другой местности, где хоть кое-как, но все же перебиваются. А тут приехавшие из этой второй местности все раскупают и увозят. Первая местность хоть с голоду дохни. А потом. Раз разстраивают общественный организованныя закупки, тогда на сцену появляется мародер-спекулянт. Он сейчас начинает греть руки около частных закупок. Таким образом, несознательные бедняки, сами того не понимая, начинают поощрять здесь деятельность пауков-спекулянтов, настоящее место которым—на столбах с перекладиной. Теперь понятно, почему господа спекулянты используют против советской власти естественное недовольство голодных, и почему последние негодяи, мироеды и кулаки оказываются во главе бунтов против советской власти, которые иногда появляются в провинциальных городишках. Рабочим нужно раз навсегда понять, что спасение не на путях возврата к старому, а на путях, которые ведут вперед, к уничтожению спекуляции, к уничтожению торговли, к общественному распределению продукта рабочими организациями.

То же самое необходимо сказать относительно целаго ряда других продуктов. Рабочий класс вовсе не должен терпеть, чтобы богатые люди за добавочную плату имели все; с другой стороны, рабочий класс не должен допускать баснословной наживы для спекулянтов, которые, как черное воронье, слетелись со всех сторон и делают свое грязное дело. Правильное распределение продукта на основе учета потребностей и учета запасов—такова одна из основных задач, стоящих перед рабочим классом. Что это значить? это означает национализацию торговли, то-есть, в сущности, уничтожение торговли, ибо переход к общественному распределению не мирится с существованием барышников и всевозможных посредников, которые живут, как паразиты, и растраивают совершенно все дело снабжения. Не назад, к „свободной частной торговле“ то-есть к „свободному“ грабежу, а вперед, к точному, планомерному распределению продуктов рабочими организациями—таков должен быть клич сознательных рабочих.

Для более успешного проведения в жизнь такого плана нужно стремиться к принудительному об,единению населения в потребительные коммуны. Только тогда правильно можно распределять продукт, если население, которое этот продукт получает, об,единено и организовано большими группами, потребности которых можно точно расчитать. Если население не об,единено, не организовано, распылено, то чрезвычайно трудно поставить сколько-нибудь правильно это распределение: неизвестно, сколько чего нужно, куда и сколько направить, как, то-ест через кого, распределять. Представим себе теперь, что население об,единено в потребительные коммуны, напр., по районам. Каждый городской квартал, скажем, об,единен в один кооператив, в одну потребительную коммуну, которая имеет свою связь с домовыми комитетами. Тогда продукты распределяются сперва по этим

коммунам, а они заранее учитывают, сколько и чего им нужно, и через своих агентов распределяют продукт дальше, среди отдельных потребителей.

При об,единении населения в такие потребительные коммуны огромное значение могут сыграть уже существующие потребительные общества (кооперативы). Чем шире будет деятельность кооперативов, чем большие круги населения они будут обнимать, тем организованнее будет происходить распределение продукта, тем больше эти кооперативы будут превращаться в органы снабжения всего населения. Принудительные коммуны вокруг уже существующих кооперативов — такова, по всей вероятности, будет форма наиболее удобная для организации распределения, при помощи которой можно будет окончательно вытеснить торговлю и убить раз навсегда торговую прибыль.

Чтобы еще более облегчить задачу правильного распределения продукта, нужно стремиться и к замене домашнего хозяйства общественным. Сейчас каждая семья имеет свою кухню, сама, независимо от других, закупает продукт, обрекая женщину на рабство, превращая ее в вечную кухарку, которая с утра и до поздней ночи не видит ничего, кроме кухонной посуды, щеток, тряпок и всяких отбросов. При этом теряется громадное количество труда и издержек совершенно зря. Если бы домашнее хозяйство, в первую голову заботы о питании, об,единить и централизовать (например, путем общей получки продуктов, общей варки пищи, устройства крупных и образцово поставленных столовых),—тогда легче было бы вести учет потребностям и, кроме экономии, сбережения, дело правильного распределения сильно подвинулось бы вперед.

Одним из важных вопросов для потребителя,—для трудящихся в городах это чрезвычайно больное место,—является жилищный вопрос. Бедняки здесь эксплоатируются нещадно. А с другой стороны, домовладельцы наживали на этом бешеные деньги. Экспроприация этого вида собственности, передача местным рабочим органам, органам советской власти, домов и различного рода помещений, учет их и правильное распределение квартир и комнат—трудная, но благодарная задача. Побарствовали баре достаточно! Рабочий, бедняк-труженик тоже имеет право получать теплый угол и жить по-человечески.

Так постепенно должна быть организована экономическая жизнь. Рабочий класс организует производство. Рабочий класс организует распределение. Рабочий класс организует потребление: пища, одежда, жилища — все на учете, все распределяется самым целесообразным образом. Нет хозяев,—есть самоуправление рабочего класса.

XIV. Трудовая дисциплина рабочего класса и крестьянской бедноты.

Наладить производство так, чтобы можно было жить без хозяев, на товарищеских началах,—вещь хорошая. Но одно дело сказать, другое — оделать. Трудностей здесь хоть отбавляй: во-первых, сейчас у нас—наследство тяжелой и несчастной войны, в конец разорившей страну; рабочему классу приходится расхлебывать ту кашу, которую заварил Николай Романов и его слуги — Штюрмеры, Сухомлиновы, Протопоповы, которую потом подмешивали Гучков и Родзянко, со своими слугами—Керенским, Церетели, Даном и прочей предательской компанией; во-вторых, рабочему

классу приходится организовывать производство, отражая удары злейших врагов: одних, которые, оскалив зубы подсевов, идут против него извне; других, которые пытаются взорвать рабочую власть из внутри. При таких условиях, чтобы победить, победить окончательно и раз навсегда, рабочему классу нужно победить также свою собственную расхлябанность. Организуя армию труда, нужно создать и революционную трудовую дисциплину этой армии. Дело в том, что есть еще такие слои рабочих, которые как-будто не верят, что они сами становятся сейчас хозяевами жизни. Ведь, теперь казна—это рабоче-крестьянская казна; фабрики, это—народные фабрики; земля—это народная земля; леса, машины, рудники, кони, инвентарь, дома,—ведь все переходит к самому трудящемуся народу. Управление всем этим,—это рабочее управление. Теперь уже рабочий или крестьянин не может относиться к такому добру,как раньше: раньше оно было хозяйское, теперь—общенародное. Хозяин выжимал из рабочего все, что мог. Помещик-барин драл с крестьянина-бедняка или с батрака по три шкуры. И рабочий, и батрак были поэтому правы, когда они не считали себя обязанными хорошо работать из-под палки на хозяина, ради укрепления могущества и власти своих мучителей. Вот почему ни о какой трудовой дисциплине тогда, когда над рабочим свистит плеть капиталиста, а над крестьянином и батраком—кнут помещика, не может быть и речи. Совсем другое сейчас. Плети эти уничтожены. Рабочий народ работает для себя, он делает не деньгу для капиталиста, а общенародное дело, дело трудящегося народа, который раньше был в [illegible].

А тем не менее, повторяем, есть еще такие несознательные рабочие, которые как-будто не видят всего этого. Почему? А потому, что они были слишком долго рабами. Рабьи и холопские мысли лезут им все время в голову. В душе они думают, что, пожалуй, без бога и без хозяина не обойтись. И вот, они используют революцию так, что стремятся положить как можно больше в свой собственный карман, урвать, где можно,—и никогда не думают о своих обязанностях при работе, о том, что небрежность и надувательство при работе теперь есть преступление против самого рабочего класса. Ибо не на хозяина идет сейчас труд: этот труд поддерживает рабочих—бедноту, которая стала теперь у общественного руля. Не директоров и банкиров сейчас надувают, а членов рабочих правлений, рабочие союзы, рабоче-крестьянскую власть. Если небрежно обращаются с машинами, если ломают инструменты, если стремятся в обычные часы ничего не делать с тем, чтобы дотянуть до сверхурочных и получить вдвое, этим обманывают не хозяина, этим не капиталисту вредят, а всему рабочему классу в целом. То же и на земле: кто расхищает сейчас инвентарь, взятый на учет батраками и крестьянами, тот ворует у общества, а не у помещика, которого давно уже выгнали. Кто вырубает лес, несмотря на запрещение крестьянских организаций, тот ворует у бедняков. Кто, вместо того, чтобы трудиться на взятой у помещика земле, занимается спекуляцией хлебом или гонит самогонку тайком, тот мошенник и преступник против рабочих и крестьян.

Сейчас всякому видно, что для того, чтобы поставить и организовать производство, нужно рабочим также организовать и самих себя, создать свой собственный трудовой порядок. По фабрикам и заводам рабочие должны следить сами за тем, чтобы каждый товарищ выполнял столько работы, сколько нужно. Профессиональные рабочие союзы, советы рабочих управляют производством. Они могут, если возможно, сокращать рабочий день; и мы

будем стремиться к такой хорошей организации производства, чтобы на долю каждой смены приходилось не восемь, а шесть часов работы. Но те же рабочая организации, а вместе с ними и рабочая власть, а вместе с рабочей властью и весь рабочий класс в целом, могут и должны требовать от своих членов самого бережного отношения к народному добру и самого добросовестного отношения к своей работе. Рабочие организации—профессиональные союзы в первую голову — устанавливают свои нормы выработки, то-есть то количество продукта, которое нужно вырабатывать каждому в течение рабочего дня. Кто (здесь не идет в расчет, конечно, болезнь или иная подобная слабость) не вырабатывает этого количества, тот саботажник, тот срывает дело строения новых свободных социалистических порядков. Тот мешает рабочему классу итти не куда к полному коммунизму.

Производство—это огромная машина, все части которой должны быть пригнаны одна к другой и ходить одинаково хорошо. Плохой инструмент при хорошем рабочем—чепуха, хороший инструмент при плохом рабочем—тоже чепуха. Нужно, чтобы и инструмент был хорош, и работник при нем был тоже хорош.

Поэтому мы должны всеми силами организовывать доставку топлива и сырья, налаживать транспорт, правильно распределять это топливо и сырье, а с другой стороны, принимать все меры к самодисциплине, выдержке, добросовестности трудящихся масс.

Сделать это в России труднее, чем в какой бы то ни было другой стране. Рабочий класс (а еще в меньшей степени крестьянская беднота) не прошел той долголетней организационной школы, которую прошел западно-европейский и американский рабочий. У нас много рабочих, только-что ставших рабочими, только-что привыкающих к общему труду, только-что отвыкающих от мысли, что «моя хата с краю, ничего не знаю». Такие всегда тянут в разные стороны. Чем больше таких, у которых в голове бродит: не сделаться ли самому хозяйчиком, прикопить деньжонок да лавочку открыть, — тем труднее завести настоящую трудовую дисциплину. Но тем сильнее должны быть стремления авангарда революции,—рабочих-передовиков, рабочих организаций,—такую дисциплину установить, провести и укрепить. Если это удастся, тогда удастся организовать все, и рабочий класс выйдет победителем из затруднений, созданных войной, разрухой, саботажем, всем варварством и зверством капиталистического строя.

XV. Конец власти денег.

(«Государственные финансы» в Советской республике и денежное хозяйство).

Деньги сейчас—это знаки на получение товаров. Поэтому, у кого много денег, тот может много купить, тот богат. Как ни ничтожна ценность денег, все же, у кого их больше, тому живется лучше. Богатые классы, у которых эти деньги имеются в изобилии, могут поэтому даже теперь жить себе припеваючи. В городе—торговцы, купцы, капиталисты, спекулянты; в деревне—кулаки, которые за время войны разжирели до невероятия, накопили у себя сотни тысяч разноцветных бумажек. Дело до того дошло, что они в кубышках или в стеклянных банках зарывали деньги в землю,—так много осело у них этих знаков.

А, с другой стороны, рабоче-крестьянское государство нуждается в деньгах. Дальнейшие выпуски бумажных денег понижают их ценность: чем больше их выпускается, тем больше они дешевеют. Но поддерживать денежными знаками фабрики и заводы нужно; выплачивать рабочим—нужно; содержать все управление, платить служащим—нужно. Откуда же на это взять денег? Для этого необходимо в первую голову обложить налогами богатые классы. Подоходный и поимущественный налог, то-есть налог на большие доходы и на крупные имущества,—таков должен быть основной налог, налог на богатых, на тех, кто получает излишек дохода.

Но сейчас, когда все переживают революционную горячку, когда трудно сразу правильно наладить взимание налогов, допустимы и целесообразны всякие иные формы получения денежных средств. Например, целесообразна и хороша такая мера: правительство заявляет, что к такому-то сроку все деньги должны быть обменены на новые, а что старые деньги потеряют свою силу. Это значит, что каждый должен выпотрошить все из своих кубышек, ларей и шкапов и принести все это для обмена в банк. А тут можно провести такую историю. Сбережения маленьких людей не трогать: выдавать рубль за рубль, менять старый рубль на новый, а с известной суммы часть удерживать в пользу государства; и чем больше накопленные суммы денег, тем свирепее удерживать,—скажем, таким манером: до пяти тысяч менять рубль на рубль; со следующих пяти тысяч брать десятую часть; с третьей пятитысячной порции брать седьмую часть; с четвертой—четвертую; с пятой—брать половину; с шестой—три четверти; а начиная с определенной суммы—конфисковать все.

Тогда была бы довольно сильно подорвана власть богатых, можно было бы получить добавочные средства для нужд рабочего государства, все были бы более или менее уравнены в доходах.

В революционное время допустимы и контрибуции на буржуазию, то-есть принудительные единовременные взносы по постановлению советских организаций. Конечно, это вовсе уже не так хорошо, когда один совет облагает буржуазию по одному способу, другой — по другому, третий — по третьему; точно так же не хорошо, как не хорошо разнообразие налогов, которые накладываются на местах.

Поэтому, нужно стремиться к объединению всей налоговой машины, к определенному плану, который бы годился для всей советской республики. Пока же этого нет, то допустимы и контрибуции. «На безрыбьи и рак рыба»,—как говорит пословица. Нужно только помнить, что задача партии, задача советов, задача рабочего класса и крестьянской бедноты заключается как-раз в том, чтобы объединить и централизовать дело взимания налогов, чтобы внести порядок и сюда, чтобы планомерно выбивать буржуазию из ея окопной экономической линии.

Однако, нужно заметить, что чем лучше идет вперед дело организации производства на новых, рабочих началах, тем все более и более падает значение денег вообще. В самом деле. Раньше, когда было господство частных предприятий, эти частные предприятия продавали друг-другу свои товары; теперь им дальше эти производства объединяются и превращаются в различные отделения общественного производства, продукт между ними может распределяться не через посредство вольного рынка, а

по плану, указанному распределительными рабочими органами. Тут происходит такая же история, как у капиталистов в так-называемых комбинированных предприятиях.

Комбинированными (сложными) предприятиями называются такие предприятия, которые об,единяют собой разнородные отрасли производства. В Америке, например, есть такие предприятия, которые владеют и металлическими заводами, и угольными копями, и железными рудниками, и пароходными обществами. Одна часть предприятия поставляет для другой сырой продукт или перевозит готовый продукт. Но так как все эти отдельные отрасли суть лишь части одного предприятия, то, понятно, одна часть вовсе не продает другой части своего продукта, а этот продукт распределяется по распоряжению центрального, общего для отдельных частей комбинированного предприятия бюро. Или возьмем другой пример: на заводе из одного отделения переходит полупродукт в другое, а между тем, внутри завода никакой купли-продажи не происходит. Вот такая же история будет происходить и во всем производстве. Когда главные отрасли производства будут организованы, это значит, что они превратятся в громадное общественное предприятие с рабочим управлением, между всеми частями которого происходит правильное распределение необходимых средств производства: топлива, сырья, полупродуктов, подсобных материалов и так далее. А это значит, что деньги теряют свое значение. Они имеют значение тогда, когда производство неорганизовано; чем оно организованнее, тем роль денег становится все меньше и меньше, а, следовательно, и нужда в них отпадает.

А как же, спросит нас, плата рабочим? Опять-таки и тут та же музыка. Чем организованнее будет в руках рабочего класса все производство, тем меньше будут выплачивать общественным работникам деньгами и тем больше натурой, то-есть продуктами. Мы уже говорили о потребительских коммунах и о рабочих книжках. Так вот по записям в рабочих книжках будут выдаваться из общественных складов продукты, какие нужны будут работникам, без всяких денег, просто под свидетельство о том, что такой-то человек трудится и работает. Конечно, дело это не может быть налажено сразу. Тут много времени пройдет, пока можно будет все это организовать, наладить, связать концы с концами. Дело это новое, нигде в мире небывалое и потому особенно трудное. Но одно ясно: чем больше рабочие будут овладевать производством и распределением продукта, тем меньше будет надобность в деньгах, а потом они мало-помалу и совсем отомрут.

Без денег начинает совершаться и «обмен» между городом и деревней городские промышленные организации дают деревне мануфактуру, железный товар и прочее; наоборот, деревенские организации дают городским хлеб. И здесь значение денег будет тем меньше, чем теснее будут связаны между собой деревенские и городские трудовые организации рабочих и деревенской бедноты.

Сейчас, вот сию минуту, деньги рабочей власти нужны, и даже очень нужны. Потому что организация производства и распределения только начинает налаживаться, и деньги играют еще очень и очень большую роль. Финансы—денежный расход и приход государства—имеют сейчас громадное значение. Поэтому так остро стоит и вопрос о налогах: они нужны во что бы то ни стало; во что бы то ни стало нужны конфискации денежных излишков у городской и деревенской буржуазии; нужны время-от-времени контрибуции.

Но в дальнейшем и налоговая система отомрет. Уже и сейчас, постольку национализируется производство, постольку исчезает прибыль в руках капиталиста; помещики уничтожены,—уничтожается обложение помещичьего дохода, так-называемой земельной ренты. Дома отнимаются у их владельцев,—исчезает источник обложения и тут. Конфискуются излишки богатств, богатые теряют точку опоры, и все становятся постепенно работниками на службе пролетарской государственной организации (потом, при полном коммунизме, когда отомрет и государство, все, как мы видели, превращаются в равных товарищей, и всякие воспоминания о прежнем делении на буржуазию и рабочих исчезают).

А если это так, то понятно, что гораздо проще сразу платить меньше, чем выдавать большое жалованье, а потом из этого большого жалованья делать вычет в виде налога. Нечего терять ни сил, ни средств на такую сказку про белого бычка.

С другой стороны, мы видели, что, когда производство и распределение до конца организованы, деньги никакой роли не играют. А значит, никаких денежных взысканий не потребуется ни с кого. Деньги перестанут быть нужными вообще значит они перестанут быть нужными и государственной власти. Финансовое хозяйство отомрет.

Повторяем, до этого еще далеко. В ближайшем будущем об этом не может быть и речи. Сейчас мы должны заботиться о приискании средств. Но уже и сейчас мы делаем шаги, которые ведут нас по пути к уничтожению денежной системы вообще. Общество превращается в громадную трудовую артель, которая производит и распределяет производимое без всякого производства золотого металла или бумажных денег. Власти денег приходит конец.

XVI. Никаких торговых сношений с империалистической заграницей для русских буржуа!

(Национализация внешней торговли).

Каждая страна в наше время живет среди других стран и весьма от них зависит. Без торговли между странами приходится очень туго: одна страна производит больше одних продуктов, другая—других. Блокированная Германия на своей шкуре видит, как тяжело обойтись без подвоза из других стран. А если бы, например, Англию окружить таким же тесным кольцом, каким окружена Германия, то она уже давным-давно бы погибла. Русской национализированной рабочим классом промышленности тоже не обойтись без получения кое-каких товаров из-за границы. А, с другой стороны, заграница, в особенности Германия, страшно нуждается в сырье. Не нужно ни на минуту забывать, что мы живем среди разбойничьих государств капитала. И неудивительно, что эти разбойничьи государства будут стараться получить все необходимое для них на своих разбойничьих путях. А, с другой стороны, русская буржуазия, которой поставлено столько рогаток в России, будет рада-радехонька снюхаться с иностранными империалистами. Несомненно, что иностранные буржуа смогли бы платить русским спекулянтам еще больше, чем наши домашние, отечественные, истинно-русские. А спекулянт снабжает тех, кто больше платит. Естественно, что если дать только волю нашей буржуазии вывозить

за границу всякое добро, и если дать волю иностранным хищникам устраивать здесь какие-угодно торговые аферы, то от этого не поздоровилось бы Советской социалистической республике.

Раньше, когда обсуждались вопросы о внешней торговле, то речь шла и спор шел о двух вещах: нужны ли высокие пошлины на иностранные товары, или, наоборот, эти пошлины нужно отменить вовсе. За последние годы царства капитала промышленники усиленно проводили политику высоких пошлин. Благодаря им синдикатчики получали добавочную прибыль: в самом государстве они — монопольные обладатели рынком, никаких конкурренто́в (соперников) у них нет; а от иностранцев загораживала таможенная стена. Значит, при помощи высоких пошлин синдикатчики, то-есть самые крупные акулы капитала, обдирали своих земляков без всякого стыда. Дело дошло до того, что, пользуясь этим добавочным обдиранием своих земляков, синдикатчики стали вывозить за границу товар по очень дешевым ценам, лишь бы ими вышибить своих противников, синдикатчиков из других стран. Натурально, эти дешевые цены были только до поры до времени. Как только они своих соперников вышибали, так тотчас же начинали поднимать цены и на вновь завоеванных рынках. Чтобы такую тактику вести, им и нужны были таможенные пошлины. Синдикатчики, крича о защите промышленности, кричали на самом деле об одном из средств нападения, об одном из средств экономического завоевания внешних рынков. И, как всегда бывает в таких случаях, они, профессиональные обманщики народа, прикрывали свой грабеж защитой, якобы, народных интересов.

Некоторые из социалистов, видя это, выставляли клич свободной торговли между странами. Это означало бы, что все предоставляется свободной экономической борьбе различных буржуазий. Но этот лозунг висел в воздухе, был попросту ровно никуда не годен. Потому что какой же синдикатчик откажется от дополнительной прибыли? А раз эту дополнительную прибыль он получает благодаря тому, что отгораживается высокими таможенными ставками от иностранного соперничества, то как же он, этот синдикатчик, откажется от этих таможенных пошлин? Сперва нужно свалить синдикатчика, сперва нужна социалистическая революция. Вот как отвечали на вопрос настоящие социалисты — по-нашему, коммунисты-большевики. А социалистическая революция — это значит установление такого порядка, когда все находится в руках организованного в государстве рабочего класса. Мы видели, какой вред приносит частная торговля внутри страны. Немеьший вред приносит такая торговля между странами. Значит, это — сплошной вздор: уничтожив свободную торговли внутри, восстанавливать ее снаружи. Такой же нелепицей с точки зрения рабочего класса является система обложения иностранных капиталистов. Нужен третий выход, и этот выход состоит в национализации внешней торговли пролетарским государством.

Что это значит? А это значит, что никто из живущих на русской земле не имеет права заключать торговых сделок с иностранными капиталистами. Попадется на этом, — штраф или тюрьма. Всю внешнюю торговлю ведет рабоче-крестьянское государство. Оно заключает все сделки, от случая к случаю. Предлагаются, скажем, американцами машины в обмен на такой-то товар или на столько-то золотых. А немцы предлагают те же машины по другой цене и за другие условия. Рабочее организация

(правительственные, советские) смотрят, нужно ли заключать эту покупку, и у кого купить выгоднее. У кого выгоднее, у того и покупают. Население купленные продукты дается без того, чтобы наживаться. Потому что, ведь, здесь сделка совершается не капиталистами, которые обирают рабочих, а самими рабочими. Таким образом, господство капитала должно быть выбито и из этих окопов. А рабочие должны взять (и берут, и взяли) дело внешней торговли в свои руки и организовать его так, чтобы ни один жулик, ни один спекулянт, ни один мародер не смог проскакивать через рабочие дозоры.

Понятно, что здесь нужна беспощадная расправа с капиталистами-контрабандистами. Их нужно отучить раз навсегда от всяких фокусов. Дело хозяйственной жизни теперь есть дело трудящихся масс. Только на пути дальнейшего укрепления подобного порядка сможет рабочий класс достигнуть окончательного освобождения от всех пережитков проклятого капиталистического строя.

XVII. Рядом с экономическим---духовное освобождение.

(Церковь и школа в Советской республике).

Рабочий класс и его партия — партия коммунистов-большевиков — стремятся не только к экономическому освобождению, но рядом с ним и к духовному освобождению трудящихся масс. Самое экономическое освобождение будет итти тем успешнее, чем скорее пролетарий и батрак выветрят из своей головы всякую чушь, которую ему вдолбили баре-помещики и фабриканты-буржуа. Мы уже раньше видели, как ловко господствовавшие прежде классы окручивали рабочих со всех сторон своими газетами, журналами, листками, своими попами даже школой, которую они сумели превратить из орудия просвещения в орудие затемнения народного сознания.

Одним из орудий затемнения народного сознания является вера в бога и чорта, злых и добрых духов (ангелов и святых), религия. Масса людей привыкла верить во все это, а между тем, если поразобраться хорошенько и понять, откуда произошла религия, и почему религию так усиленно поддерживают господа-буржуа, тогда станет понятным настоящее значение религии, как яда, которым отравляли и отравляют народ. Станет понятным тогда и то, почему партия коммунистов — решительная противница религии.

Современная наука доказала, что первой формой религии было почитание душ умерших предков. И что началось это почитание тогда, когда в старинном человеческом обществе стали итти в гору так-называемые старшие в роде, старики, наиболее богатые, опытные и мудрые, которые имели уже власть над остальными членами общества. В самом начале человеческой истории, когда люди жили еще стадами полуобезьян, они были равны. Лишь позже появились старшины, которые стали повелевать остальными. Их-то и стали почитать впервые; почитание душ умерших богатых — вот основа религии; а эти «святые», божки потом превратились в грозного бога, который карает и милует, судит и управляет. Разберем, почему у людей нашлось такое об'яснение всего происходящего в мире. Дело в том, что человек всегда рассматривает вещи, ему мало известные, подгоняя их к тому, что ему хорошо известно; он мерит их на аршин близкого и понят-

ного. Один ученый приводит такой пример: девочка, воспитывавшаяся в имении, где занимались куроводством, должна была иметь постоянно с яйцами; яйца вечно торчали у нея перед глазами; и вот, когда она увидела однажды небо, усеянное звездами, она стала разсказывать, что по небу рассыпано множество яиц. Таких примеров можно привести целое множество. Вот и тут то же самое. Человек видел, что есть те, кто повелевают, и те, кто повинуются; он постоянно наблюдал такую картину: старшина (а потом князь), окруженный помощниками, наиболее опытный и мудрый, самый сильный и богатый, распоряжается; и так, как хочет он, так поступают остальные: они повинуются ему. Вот эти порядки, которые можно было наблюдать ежедневно и ежечасно, и дали толчок, чтобы все в мире происходящее об'яснять по такому же образцу. На земле, дескать, есть повелитель и повинующиеся. Значит, и весь мир так устроен. Над миром есть хозяин, великий, сильный и грозный, от которого все зависит и который будет строго наказывать за ослушание. Вот этот хозяин над миром и есть бог. Так мысль о боге на небе появляется тогда, когда на земле из прежде единого общества выделяется власть старших в роде.

Интересно то обстоятельство, что все названия бога говорят о таком происхождении религии. Что значит слово «бог»? Откуда оно происходит? От того же корня, что и слово «богатый». Бог — это сильный, крепкий, богатый. Как еще величают бога? «Господь». Что значит «господь»? Это значит — господин в противоположность рабу. В молитвах так и говорится: «мы рабы твои». Бог величается дальше: «царь небесный». Все другие прозвища бога указывают на то же самое: «повелитель», «владыка» и т. д. Кстати. Слово «владыка» означает такое лицо, которое многим владеет, у которого есть нарядный запасец добра. Итак, что же такое бог? Это, — якобы, существующий богатый, сильный господин, рабовладелец, «царь небесный», судья, — словом точная копия, снимок с земной власти старшин, а потом князей. Когда евреи управлялись своими князьями, которые наказывали их и всячески мучили их, тогда появилось и учение о боге злом и грозном. Таков бог ветхого завета. Это — свирепый старик, жестоко наказывающий своих подданных. Посмотрим теперь на православного бога. Учение о нем возникло в Византии, в стране, которая дала образец самодержавного режима. Во главе стоял самодержец-монарх, вокруг него — министры; потом высшие чиновники, еще ниже — целая сеть всяких чинуш-обирал. Православная религия — точный сколок с этого устройства. Наверху сидит «царь небесный». Вокруг него—самые крупные святые (напр., Николай Чудотворец, Богоматерь — нечто в роде императрицы, жена святого духа), это — министры; еще ниже — целая лестница ангелов и святых, расположенных в таком порядке, как чиновники в самодержавном государстве. Это — так-называемые «чины ангельские и архангельские»: херувимы, серафимы, престолы и еще разные другие «чины». Самое слово «чин» уже указывает, что мы имеем здесь дело с чиновниками («чин» и «чиновник» — слова, которые происходят от одного корня). Эти «чины» изображаются на иконах, так, что, кто рангом выше, тот богаче одет, у того больше венчиков, — значит у того больше «орденов», — опять-таки совсем, как на грешной земле. В самодержавном строе чиновник требует обязательной «сказки», — иначе он не действует; поэтому и святому нужно ставить свечку, — иначе он разозлится и никакого прощения высшему начальству, богу, не передаст. При самодержавном строе есть особые

чиновники, которые специально исполняют — за взятку — роль ходатаев. И тут тоже есть специальные святые — «ходатаи по делам», в особенности женщины. Например, богородица — это, так-сказать, профессиональная «заступница». Впрочем, все это она делает не даром: ей нужно строить больше, чем другим, всяких храмов, накупать риз на ея иконы, вставлять туда драгоценные камни и так далее.

Итак, вера в бога — это есть отражение гнусных земных отношений, это вера в рабство, которое есть, якобы, не только на земле, но и во всей вселенной. Понятно, что в действительности ничего подобного нет. И так же понятно, что эти сказки стоят на пути человеческого развития. Человечество только тогда идет вперед, когда оно всякому явлению подыскивает естественное об'яснение. Когда же, вместо об'яснения, ссылаются на бога или на святых, или на чертей и леших, тогда ничего путного из этого выйти не может. Приведем пару примеров. Некоторые религиозные люди верят в том, что, когда гром грохочет — это Илья пророк катается. Поэтому, услышав гром, они снимают шапку и крестятся. А на самом деле, вот та самая сила электричества, которая производит гром, отлично известна науке и при ея помощи мы двигаем трамваи, на которых можем перевозить все, что угодно. И выходит, что на Илье-пророке мы можем возить хоть навоз сушеный, и наш Илья оказывается довольно хорошим возницей. Представим теперь себе, что мы верили бы в Илью-пророка. Не видать бы нам тогда трамваев, как своих ушей. Значит, мы, благодаря религии, погрязали бы в варварстве. Другой пример. Разражается война, люди гибнут миллионами, проливаются океаны крови. Нужно найти об'яснение этому. Те, которые не верят в бога, смотрят, что, как и почему; они видят, что война была затеяна царями и президентами, крупной буржуазией и помещиками; они видят, что она ведется ради грабительских, грязных целей. И поэтому они говорят рабочим всех стран: «беритесь за оружие против своих угнетателей, свергайте капитал с его тронов!». Совсем другое дело религиозный человек. Он рассуждает так (и кряхтит при этом, как старая баба): «Господь наказал нас за грехи наши. Ох,батюшка, царю небесный, правильно покарал Ты, нас грешных». И если он очень религиозный и притом православный, тогда он усиленно начинает жевать один вид пищи вместо другого по определенным дням (это называется пост), стукаться лбом о каменные полы (это называется «класть поклоны») и делать еще тысячу глупостей. Такие же глупости делает религиозный еврей, татарин-магометанин, китаец-буддист, словом, всякий верующий в бога. Отсюда видно, что действительно верующие люди неспособны ни к какой борьбе. Религия, таким образом, не только оставляет народ в варварстве, но и способствует пребыванию его в рабстве. Религиозный человек скорее склонен к тому, что все нужно переносить безропотно (ибо все, мол, «от бога»), что нужно повиноваться властям и терпеть («на том свете будет поздно сторицей»). Немудрено поэтому, что господствующие при капитализме классы считают религию весьма полезным орудием для одурачивания народа.

В начале этой книжечки мы видели, что буржуазия держится не только штыками, но и тем, что она опутывает умы своих рабов. Мы видели, с другой стороны, что буржуазия отравляет сознание своих подданных организованно и по плану. Такой цели служит специальная организация, это — церковь, церковная организация государства. Церковь во всех почти

капиталистических странах есть такое же государственное учреждение, как и полиция; а поп есть такой же государственный чиновник, как и палач, жандарм и сыщик. Он получает казенное содержание за отраву, которую он распространяет среди народных масс. Именно это и есть самая опасная сторона дела. Если бы не было такой чудовищной, крепкой и сильной организации, какая имеется в лице разбойничьего государства буржуазии, тогда одним попам бы не устоять. Они живо обанкротились бы. Но в том-то и дело, что государство буржуазии целиком и всеми средствами поддерживает свое церковное ведомство, которое за это с горячим усердием поддерживает буржуазную власть. При царе русские попы не только обманывали массы, они даже исповедь использовали для того, чтобы выведывать мысли против правительства, они шпионили на своих «таинствах». А правительство не только их содержало, но и преследовало тюрьмой, ссылкой и всякими другими способами всех так-называемых «хулителей православной церкви».

Из всего этого и вытекает программа коммунистов по отношению к религии и церкви. **С религией нужно бороться, но не насилием, а убеждением. Церковь же нужно отделить от государства.** Это значит — пускай попы остаются, но пусть их содержат те, кто хочет принимать от них яд, или кто заинтересован в их существовании. Есть такой яд — опиум. Когда его курят, тогда видят сладкие сновидения: лежишь себе словно в раю. Но зато его действие сказывается и в разрушении здоровья: человек мало-помалу становится тихим идиотом. То же и с религией. Есть люди, которым хочется курить опиум. Но было бы нелепо, если бы государство за свой счет, т.-е. за счет всего народа, содержало притоны для курения опиума и специальных людей, которые прислуживали при этом. Поэтому и с церковью нужно поступить (и **поступлено уже**) так: нужно лишить попов, архиереев, митрополитов, патриархов, игуменов и прочую компанию всяких пособий со стороны государства: пусть верующие, если желают, кормят их за свои деньги балыком и семгой, до которых отцы святые такие большие любители.

С другой стороны, должна быть обеспечена свобода вероваия. Отсюда и вытекает правило: религия есть частное дело. Это не значит, что мы не должны убеждением бороться против религии. Это значит, что государство не должно поддерживать никакой церковной организации.

Программа большевиков-коммунистов в этом пункте теперь в России осуществлена. Попы всех мастей лишены казенного пайка. Поэтому они и взбесились до полусмерти и дважды прокляли теперешнюю власть, т.-е. власть рабочих, отлучив всех коммунистов от церкви. Заметьте. При царе они твердо знали текст писания: «несть бо власть аще не от бога», и «властем предержащим да повинуетесь». Они с охотой кропили святой водицей палачей. Но почему они позабыли эти тексты, когда у власти стоят рабочие? Или власть божия не распространяется на коммунистов? В чем же дело? Да в очень простой вещи. Советское правительство, это — первое правительство в России, которое ущемило попов за карман. А у попа это самое чувствительное место. Попы теперь в лагере «угнетенной буржуазии». Они работают в подполье и в «наполье» против рабочего класса. Только время теперь уже не то, и широкие массы трудового народа на обман так легко не идут, как раньше. Таково великое просвещающее значение революции. Она освобождает **от экономического рабства**. Она освобождает и от рабства **духовного**.

Есть еще важный вопрос, касающийся духовного просвещения масс. Это — вопрос о школе.

Школа при господстве буржуазии служила больше делу воспитания масс в духе повиновения буржуазии, чем делу действительного образования. Все учебники, все пособия были пропитаны духом рабства. В особенности учебники истории: там только и делали, что лгали, описывая подвиги царей и всяких коронованных негодяев. А затем громадную роль играли в школах попы. Все сводилось к одному: обработать ребенка так, чтобы из него вышел послушный — не гражданин, а подданный, раб, могущий при случае и убивать себе подобных, если они восстанут против власти капитала. Сами школы были разделены на разряды: одне — для черной, другие — для белой кости. Для белой кости — гимназии и университеты. Здесь буржуазные сынки обучались всяким наукам с таким расчетом, чтобы уметь управлять и подчинять кость черную. Для черной кости — низшая школа. Здесь сильнее всего действовали попы. Задача этой школы, которая давала очень мало знаний, но зато очень много вколачивала поповской лжи, состояла в подготовке людей, которые умели бы терпеть, слушаться и подчиняться безропотно белой кости. Доступ в среднюю, а тем более в высшую школу (то-есть в университеты, специальные высшие технические и военные заведения) простому народу был окончательно закрыт. Таким образом, создавалась монополия на образование. Учиться более или менее сносно мог только богатый или поддерживаемый богатыми. Интеллигенция ловко использовала поэтому свое положение. И понятно, что в октябрьскую революцию она была против рабочих: она чуяла своим носом, что ее привилегии, ее имущественное положение исчезнет, если рабочие смогут учиться, если и для «черной кости» будет дана возможность овладевать знаниями.

Прежде всего, поэтому, нужно сделать образование всеобщим и обязательным. Для строительства жизни на новых началах нужно, чтобы человек с малых лет приучался к полезному труду. В школах поэтому нужно знакомить учеников с разного рода производствами. Двери высшей школы должны быть открыты для всех. Попы должны быть выгнаны из всех школ — пусть, если хотят, морочат детей где-нибудь у себя, а не в государственных учреждениях; школа же должна быть светской, а не поповской. Органы местной рабочей власти имеют контроль над школой и должны не скупиться на дело народного образования, снабжение детей, юношей и девушек всем необходимым для успешных занятий.

Сейчас в некоторых деревнях и провинциальных городах кое-кто из глуповатых учителей ведет с помощью кулаков (а, вернее, кулаки с помощью этих глуповатых) пропаганду в таком духе, что, дескать, большевики хотят уничтожить всю науку, хотят удалить всякое образование и прочее. Это, конечно, наглейшая ложь. Коммунисты-большевики хотят сделать другое: они хотят освободить самую науку от ига капитала, они хотят сделать всю науку доступной трудящемуся народу, они хотят уничтожить монополию (исключительное право) на образование со стороны богатых. Вот в чем дело. И нисколько не удивительно, что богатые боятся потерять одну из своих опор. Если всякий рабочий будет обладать знаниями инженера, тогда дело капиталиста и богатого инженера — дрянь: ему уж нечего будет особенно кичиться: таких, как он, будет много. Нака-

кой срыв рабочего дела, никакой саботаж старых слуг капитала не будет тогда возможен. Вот чего боятся почтенные буржуа.

Культура для богатых, духовное порабощение для бедных — вот лозунг капитала. Культура для всех, освобождение духа от гнета капитала — вот лозунг партии рабочего класса, партии коммунистов.

XVIII. Вооруженный народ на-страже своих завоеваний.

(Армия в Советской республике).

«Лучшая гарантия, лучшее обеспечение свободы — это винтовка в руках рабочего» — так говорил один из творцов научного коммунизма, Фридрих Энгельс. Теперь только видно на самом деле, насколько правильно это изречение. Оно целиком подтверждается опытом великой революции 1917 года.

Еще несколько времени тому назад даже некоторые левые товарищи выставляли лозунг разоружения. Они говорили так: повсеместно буржуазия строит колоссальный, чудовищный флот: подводный, надводный и воздушный; растут безумно-громадные армии; строятся сверхъестественные крепости; громадные пушки и такие орудия истребления, как броневики и танки [1]). Нужно уничтожить всю эту ужасную систему насилия. Нужно требовать всеобщего разоружения.

Не так ставили вопрос мы, большевики. Мы говорили: наш лозунг таков: разоружение буржуазии, вооружение,—поголовное и безусловное,—рабочего класса. В самом деле, ведь смешно уговорить буржуазию сломать свой самый острый волчий клык, вооруженную силу (из одураченных ею рабочих и бедняков-крестьян), которая находится у нея в руках. Эту смертоносную машину насилия можно разрушить только насилием же. Оружие кладется тогда, когда того добивается другое оружие. В этом и заключается смысл вооруженного возстания против буржуазии. Для буржуазии ея армия, это — орудие борьбы за раздел мира — с одной стороны, орудие борьбы с рабочим классом — с другой. Царь и Керенский мечтали при помощи армии завоевать Константинополь, Дарданелльский пролив, Галицию и много других лакомых кусков. В то же время и царь, и Керенский (значит, и помещики, и буржуазия) душили рабочий класс и крестьянскую бедноту. Армия была орудием в руках крупных собственников для раздела мира и порабощения бедноты. Вот что такое была старая армия.

Почему буржуазия могла сделать из рабочих и крестьян (ведь, большинство армии, солдат, состоит из них) орудием против самих рабочих и крестьян? Почему это мог делать царь и Керенский? Почему это до сих пор умудряются делать Вильгельмы и Гинденбурги, немецкая буржуазия, которая превращает своих рабочих в палачей русской, финской, украинской и немецкой революции? Почему руками немецких матросов были разстреляны немецкие же матросы, восставшие, наконец, против насильников? Почему английская буржуазия подавляет руками английских солдат (а они тоже из рабочих) революцию в Ирландии, стране, которую угнетают и топчут ногами матерые банкиры Англии?

---

1) Танк—это нечто в-роде исполинского броневого автомобиля. Это чудовище едет, несмотря ни на какия препятствия: оно проламывает стены и проезжает через дома, ломает строевой лес и т. д. Понятно, что оно снабжено и истребительными пушками.

На этот вопрос нужно дать тот же ответ, что и на вопрос, как могут господа буржуа удерживаться вообще у власти. Мы видели, что это достигается благодаря прекрасной организованности буржуазного класса. В армии власть буржуазии покоится на двух основах: во-первых, на офицерском корпусе из дворян и буржуа; во-вторых, на муштровке и духовном убийстве, т.-е. на буржуазной обработке солдатских душ. Офицерский корпус носит в общем чисто-классовый характер. Он выдрессирован так, что прекрасно знает военное дело и дело даванья зуботычин, дело крутой расправы с солдатами. Посмотрите на какого-нибудь бравого офицера-гвардейца или на прусского щеголя с физиономией ретивого мопса. Сразу видно, что он, как дрессировщик в армии, не жалеет солдатам раздавать направо и налево, что он научился (и учился этому много, долго и упорно), как держать в страхе и повиновении людское стадо.

Понятно, что если такие господа вербуются из буржуа и дворян, из сынков помещиков и капиталистов, то они будут вести армию по совершенно определенному пути.

Посмотрите теперь, что такое солдаты. Приезжают они серыми людьми, не связанные друг с другом, распыленные, не могущие дать отпора, с душой, уже искалеченной попами, школой. Их тотчас же рассаживают по казармам, и обработка начинается. Запугивание, внушение самых противонародных мыслей, постоянная система страха и наказаний, развращение наградами за преступление (например, за расстрелы стачечников), — все это делает из человека полуидиота, куклу, которая слепо повинуется своим смертельным врагам.

Понятно, что с революцией армия, стоявшая обеими ногами на старых, царских основаниях, армия, которую и Керенский гнал на убой за Константинополь, неизбежно должна была разложиться. Почему? Потому что солдаты увидели, что их организуют, муштруют и бросают в сражения ради преступной корысти буржуазии. Они увидели, что они чуть ли не три года сидели в окопах, задыхались, мерли, голодали, убивали ради денежного мешка. Вполне естественно, что когда старую дисциплину вышибла революция, а новая еще не успела народиться, происходило разложение старой армии, ее распад, ее гибель.

Эта болезнь была неизбежной. Меньшевистские и эсеровские дурачки обвиняют большевиков: вот, что, мол, наделали, — царскую армию разложили! Но меньшевистские и эсеровские дурачки не видят того, что революция не могла бы победить, если бы в феврале армия оставалась преданной царю и его генералам, а в октябре — буржуазии. Ведь, солдатское восстание против царя уже было разложением царской армии. Всякая революция разбивает старое и гнилое; проходит сперва некоторое (очень трудное) время, пока не создастся новое, пока не начнут строить красивого дома на месте обломков старого свиного хлева.

Мы приведем сейчас один примерчик из другой области. Старые рабочие знают, что в былое время, когда крестьяне превращались в фабричных, шли в город, то первым делом они превращались в отчаянных хулиганов, «огольцов», «мастеровщину». Слово «мастеровой» или «фабричный» было тогда почти-что ругательным словом. И действительно, эти рабочие были мастера сквернословить, похабничать, ругаться и развратничать. На этом основании все реакционеры, боявшиеся всего нового, проповедывали возврат к крепостному праву.

Они говорили: так как город развращает, так как в городе «избаловываются», то нужна деревня и специально палка отца-помещика. Тут-то и будет процветать добродетель. И они злобно смеялись над теми, кто в рабочем классе видел соль земли. Они говорили нам, марксистам, ученикам великого коммуниста Карла Маркса: «Видите, ваши рабочие?! Ведь, это — свиньи, а не люди, это — матерщинники! А вы говорите — соль земли! Плеть хорошая, арапник на конюшне — тогда бы знали они, как вольничать».

Все это многих «убеждало». А на самом деле вот в чем была суть. Когда крестьяне уходили в города и порывали с деревней, то старые, деревенские устои, лопались. В деревне живут по старине: смотри в рот старику и слушай его, хотя бы он уже давно из ума выжил, сиди смирно на своем огороде и никуда носа не суй дальше этого огорода, бойся всего нового пуще огня. Вот мудрость деревни. Это была плохая мудрость, но она была уздой, которая создавала деревенский «порядок». Эта мудрость в городах быстро исчезала; тут все новое: новые люди, новые отношения, масса новых, еще неизведанных соблазнов. Немудрено, что старая деревенская мораль исчезла. А чтобы новая создалась, должно было пройти еще некоторое время. Вот этот-то промежуток и есть период разложения.

Но, в конце-концов, на новой основе возникла новая мудрость: солидарность пролетариата. Фабрика сплотила рабочих, гнет капитала приучил их к общей борьбе, на место ветхой, дедовской, никуда негодной мудрости возникла новая, пролетарская, безконечно более высокая. Она-то и превращает пролетариат в «соль земли», самый передовой, самый революционный, самый творческий класс. Правыми оказались мы, коммунисты, а не крепостники-помещики.

Теперь по отношению к армии место крепостников занимают меньшевики и эсеры. Они поют на все лады о разложении армии и обвиняют большевиков. И подобно тому, как крепостники звали назад, в деревню, к помещичьему крыльцу, под кнут, подобно этому меньшевики и эсеры зовут к старой дисциплине, на службу у Учредительного Собрания, на основе возврата к капитализму и прочим хорошим вещам. А мы, коммунисты, смотрим вперед. Мы знаем: старое сгнило, и оно неизбежно должно было сгнить, и без этого рабочие и бедняки-крестьяне не могли бы захватить власть в государстве в свои руки, но идет новое, более высокое, на место старой армии строится красная армия социализма.

Пока у власти стоит буржуазия, пока «отечество» есть отечество банкиров, торгашей, спекулянтов, жандармов, королей и президентов, до тех пор рабочий класс никоим образом не заинтересован в охране этой грязной машины для наживы. Его пролетарская обязанность есть обязанность восстания против нея. Только жалкие лакеи и прислужники денежного мешка говорят о том, что нельзя во время войны бастовать и восставать против разбойничьего империалистского государства. Понятно, что это мешает делу разбойничьей войны. Понятно, что волнения внутри страны и еще больше волнения в армии способствуют ея дезорганизации. Но как сломить, например, господство Вильгельма, не разлагая вильгельмовской дисциплины? Это невозможно. Немецкие матросы-мученики, казненные палачами Вильгельма, конечно, способствовали разложению по-разбойничьему организованной армии. Но если разбойничья армия внутренне крепка, — это смерть революции. Если революция крепка, — это

смерть разбойничьей армии. Господа Шейдеманы, немецкие социал-предатели тоже травят Либкнехта, как разлагателя армии. Они травят всех немецких революционеров, немецких большевиков, как людей, которые «наносят удар в спину доблестной армии», т.-е. делу разбоя. Пусть обнимаются с Шейдеманами и прочей зловонной гнилью господа меньшевики: они — одного поля ягоды.

Для России это время уже прошло. Революция рабочих победила. Время разложения отошло в прошлое. Перед нами — время построения нового. Строится красная армия не для грабежа, а для защиты социализма; не для обороны барышнического отечества, где все было в руках капитала и помещика, а для обороны социалистического отечества, где все переходит в руки рабочих; не для кромсанья чужих стран, а для помощи международной коммунистической революции.

Понятно, что эта армия должна строиться на иных основаниях, чем старая. Красная армия должна, —сказали мы, — быть вооруженным народом при разоруженной буржуазии. Это должна быть классовая армия пролетариев и крестьянской бедноты. Ведь, она направлена по сути дела против мировой буржуазии, в том числе и своей. Поэтому она не может включать в себе вооруженные буржуазные элементы. Впустить в армию буржуазию, — это значит вооружить ее; это значит создать внутри красной армии белую гвардию, которая легко может расстроить все дело, быть центром предательств и восстаний, перейти на сторону враждебных империалистских войск и так далее. Не вооружать буржуазию, а разоружить ее, отнять у нея последний браунинг, — вот наша задача.

Второй, не менее важной задачей является подготовка офицерского пролетарского корпуса. Рабочему классу приходится отбиваться от врагов, наступающих со всех сторон. Война ему навязывается империалистическими стервятниками. А для современной войны нужны знающие специалисты. Они были у царя и Керенского. Их не было у рабочего класса и у крестьянской бедноты. Этих специалистов нужно создать. Для этой цели необходимо использовать старых специалистов: пусть они учат пролетариев. Тогда у социалистического советского отечества будут свои офицеры, будет свой офицерский корпус. И подобно тому, как в революции рабочий класс, более опытный и деятельный, ведет за собой крестьянскую бедноту, подобно этому на войне против империалистских насильников рабочие-офицеры будут вести за собой массу крестьянской красной армии.

Красная армия должна создаться на основе поголовного обучения рабочих и крестьянской бедноты.

Это обучение — дело самое спешное и горячее. Здесь нельзя терять ни одной минуты, ни одной секунды.

Каждый рабочий и каждый крестьянин должен быть обученным, и он обязан учиться владеть оружием. Только глупые люди разсуждают так: ну, до нас еще далеко, — пока еще к нам придут, мы «успеем». Русские лентяи часто так разсуждают. Во всем мире известно, что любимая поговорка русских — это «авось». «Авось успеем». А потом, глядишь, классовый враг, которого зовут бывшие помещики и капиталисты, тут как тут и берет голубчиков уже за шиворот. И, быть-может, когда какой-нибудь бравый прусский унтер (или английский, — кто знает?) будет ставить к стене для разстрела, тогда добродушный земляк почешет голову и скажет: «Какой дурак я был раньше!».

Тут нужно спешить. Пусть Сидор не ждет та Петра, а Петр на Сидора. Пусть никто не ждет, а дружно берутся за дело. Поголовное обучение — это самая настоятельная, самая важная задача дня.

Старая армия была основана на отупении солдата. Это происходило потому, что там капиталисты и помещики должны были править миллионами солдат-крестьян и рабочих, интересы которых противоположны интересам капиталистов. Капиталистическое правительство должно было поэтому делать солдата безмозглым орудием, действующим против своих же интересов. Наоборот, красная армия из рабочих и крестьян защищает свое собственное дело. Она может быть основана лишь на просвещении, и на сознательности товарищей, которые вступают в ея ряды. Отсюда необходимость в специальных курсах, библиотеках, лекциях, митингах и собраниях. В свободные часы красноармейцы должны принимать участие вместе с рабочими в политической жизни, посещать собрания, жить одной жизнью с рабочим классом.

Это условие — одно из важнейших условий для того, чтобы создалась твердая революционная дисциплина, не дисциплина палки, а дисциплина классовой сознательности революционера. Если между армией и рабочим классом теряется связь, тогда армия быстро вырождается и легко может превратиться в банду, которая будет служить тому, кто больше платит. Тогда она начнет разлагаться, и ничто не спасет от этого разложения. Наоборот. Если красноармейцы будут находиться в живой связи с рабочими, жить с ними одной жизнью, — тогда они будут лишь тем, чем нужно быть: вооруженным органом революционных масс.

Одним из лучших средств для сохранения связи с массами, кроме уже упоминавшихся (лекций, политических собраний и так далее), является использование красноармейцев для непрерывного обучения рабочих стрельбе из винтовок, пулеметов и проч. Вместо лежанья, карт и прочих «развлечений», вместо бессмысленного сиденья по казармам — здесь творческая работа, которая спаивает всех в одну дружную революционную семью. Так создается вооруженный народ, вооруженный пролетариат и вооруженная крестьянская беднота, которые будут стоять на-страже великой рабочей революции.

XIX. Освобождение народов.

(Национальный вопрос и международная политика).

Программа коммунистической партии есть программа не только освобождения пролетариата одной страны, — она есть программа освобождения всего мирового пролетариата, ибо она есть программа международной революции. Но она в то же время является программой освобождения всех маленьких угнетенных стран и народов. Разбойничьи «великие державы; (Англия, Германия, Япония, Америка) награбили себе несметное количество земель и народов. Они разделили весь земной мир между собой. И немудрено, что в этих награбленных странах рабочий класс и все трудящиеся массы стонут под двойным гнетом: гнетом со стороны своей буржуазии и добавочным гнетом со стороны завоевателей. Царская Россия награбила тоже массу земель и народов: ведь, величина «нашей» империи этим и объяснялась. Немудрено, что среди многих «инородцев» и даже среди некоторых частей не-великорусского пролетариата поселилось недоверие к «моска-

ким» вообще. Национальный гнет вызвал и национальные чувства: у угнетенных частей пролетариата — чувства недоверия к угнетательской нации в целом, без различия между классами; у угнетательской части пролетариата — недостаточное понимание положения угнетенных двойным гнетом частей «инородческого» пролетариата. А между тем, для победы рабочей революции по всему фронту необходимо полное взаимное доверие различных частей пролетариата друг к другу. Нужно показать и доказать на деле, что в пролетариате той нации, которая угнетала, пролетариат других наций имеет беззаветного союзника. У нас в России господствующей нацией, господствующим народом были великороссы, которые покорили финнов и татар, украинцев и армян, грузин и поляков, чувашей и мордву, киргизов и башкир и десятки других наций. Естественно, что среди некоторых даже пролетарских частей этих народов есть неправильное представление о всем русском. Он привык видеть, как им понукала и распоряжалась царская власть, и думал, что таковы все русские, т.-е. и русские пролетарии.

Вот для того, чтобы поколебать братское доверие между различными отрядами пролетариата, программа коммунистов провозглашает право трудящихся классов каждой нации на полное отделение. Это значит, что русский рабочий, ставший у власти, говорит рабочим остальных народностей, которые живут в России: «Товарищи! Если вы не хотите входить в состав нашей Советской республики; если вы хотите, организовавшись в советы, иметь отдельную Советскую республику, вы можете отделяться. Это право мы за вами полностью признаем. И мы не хотим вас удерживать силой ни одной минуты».

Само собой разумеется, что только такой тактикой можно завоевать доверие всего пролетариата в целом. Представим себе, в самом деле, что было бы, если бы великорусские рабочие советы стали силой удерживать у себя какие-нибудь части рабочего класса других наций, а те с оружием в руках стали бы обороняться. Ясно, что это означало бы полный развал всего общепролетарского движения, полную разруху революции. Там действовать нельзя, ибо, повторяем, только в братском союзе пролетариев — залог победы.

Заметим. Здесь речь идет не о праве нации (то есть и рабочих, и буржуазии вместе) на самоопределение, а о праве трудящихся классов. Это значит, что так-называемая воля «нации» для нас вовсе не священна. Если бы хотели узнавать волю нации, нам нужно было бы созывать учредительное собрание этой нации. Для нас священна воля пролетарских и полупролетарских масс. Вот почему мы говорим не о праве наций на самоопределение, а о праве на отделение трудящихся классов каждой нации. Во время пролетарской диктатуры на учредительных собраниях («общенародных», «общенациональных»), а советы трудящихся решают вопрос. И если бы в каком-нибудь уголке России было созвано одновременно два собрания — «Учредилка» данной нации и С'езд Советов, при чем «Учредилка» стояла бы за отделение, а пролетарские с'езды против, — мы тогда поддерживали бы решение пролетариата против решения «Учредилки» всеми средствами вплоть до оружия.

Так решает партия пролетариата вопрос относительно пролетариев разных наций, живущих в пределах страны. Но перед партией стоит и более широкий вопрос об ее международной программе. Здесь путь ясен. Это есть путь всемирной федерации международной революции, путь

поддержки революционной пропаганды, отсюда и восстаний в империалистских странах, путь поддержки волнений и восстаний в колониях этих стран.

В империалистских странах (а такими странами являются все, кроме России, где рабочие разможжили через господству капитала) одним из главнейших препятствий к революции является оборонческая социал-демократия. Она выдвигает и сейчас клич защиты (разбойничьего) отечества, обманывая широкие рабочие массы. Она кричит о разложении (разбойничьей) армии. Она травит наших друзей, немецких, австрийских, английских большевиков, которые одни с презрением и негодованием отвергают задачу защиты буржуазного отечества. Положение Советской республики есть исключительное положение. Это есть единственная в мире пролетарская государственная организация среди разбойничьих организаций буржуазии. Поэтому только она имеет право на защиту. Более того, — ее нужно рассматривать, как орудие борьбы всего мирового пролетариата против мировой буржуазии. Уже ясен и лозунг, боевой клич, этой борьбы. Международный лозунг этой борьбы есть лозунг Международной советской республики.

Свержение империалистских правительств путем вооруженного восстания и организации международной республики советов, — таков путь к международной диктатуре рабочего класса.

Самым сильным способом поддержки международной революции является организация вооруженных сил этой революции. Ведь, рабочие всех стран, не ослепленные социал-предателями, своими эсерами и меньшевиками (а они есть в каждой стране), видят в рабочей революции России и в Советской власти свое кровное дело. Почему? Потому что они понимают, что власть советов — это есть власть самих рабочих. Совсем другое было бы, если бы буржуазия при помощи меньшевиков и эсеров свергла бы советскую власть, созвала бы Учредительное Собрание и через него организовала бы власть буржуазии, примерно, такую же, какая была до октябрьского переворота. В таком случае рабочий класс потерял бы свое отечество, ибо он потерял бы свою власть. Тогда неизбежно банки вернулись бы к банкирам, фабрики — к фабрикантам, земли — к помещикам. Тогда возродилось бы отечество барыша. И этого отечества рабочие не имели бы никакого интереса защищать. С другой стороны, и западно-европейские рабочие перестали бы видеть в буржуазной России светлый маяк, который светит им в трудной борьбе. Развитие международной революции задержалось бы. Наоборот, укрепление Советской власти, организация вооруженных сил рабочих и беднейших крестьян, организация отпора международным разбойникам, которые идут на советскую Россию, как классовые враги, как помещики и капиталисты, как банда палачей рабочей революции, организация красной армии, — это усилило бы и революционное движение в европейских странах.

Чем лучше мы будем организованы, чем сильнее будут вооруженные отряды рабочих и крестьян, чем крепче будет пролетарская диктатура в России, тем быстрее будет итти вперед и дело международной революции.

Эта революция наступит неизбежно, как ни задерживают ее ход немецкие, австрийские, французские и английские меньшевики. Рабочие массы в России порвали с соглашателями. Порвут с ними (и порывают уже) и рабочие массы Западной Европы. Лозунг свержения буржуазных

отечеств, свержения разбойничьих правительств и рабочей диктатуры завоевывает все большие симпатии. Рано или поздно у нас будет Международная республика советов.

Международная республика советов освободит от гнета сотни миллионов жителей в колониях. «Цивилизованныя» разбойничьи державы кровавым режимом мучили и терзали население колониальных стран. Европейская цивилизация держалась на крови нещадно эксплоатируемых и обираемых народцев в далеких заморских странах. Их освободит диктатура пролетариата, — и только она. Подобно тому, как русская Советская власть заявила об отказе от колониальной политики и на деле доказала это по отношению, напр., к Персии, и европейский рабочий класс, свергнув господство банкиров, даст полную свободу угнетенным и эксплоатируемым классам. Вот почему программа нашей партии, которая является программой международной революции, есть в то же время и программа полного освобождения всех слабых и угнетенных великий класс — рабочий класс — ставит перед собой и великие задачи. И не только ставит, но и разрешает в кровавой, мучительной, героической борьбе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

(Почему мы коммунисты)?

Наша партия до последнего с'езда называлась социал-демократическ. партией. [illegible] партия рабочего класса имела такое название. Но война вызвала небывалый раскол в социаль-демократических партиях. И тут обнаружилось три основных течения среди этих партий: крайнее правое, центр и крайнее левое крыло.

Правые социаль-демократы оказались настоящими предателями рабочего класса. Они лизали (и лижут до сих пор) сапоги покрытых рабочей кровью генералов. Они поддерживают величайшие гнусности и преступления своих правительств. Стоит только вспомнить, что немецкий социаль-демократ Шейдеман поддерживает украинскую политику немецких генералов. Это — прямые палачи рабочей революции.

Когда немецкие рабочие победят, они сделают очень хорошо, если повесят Шейдемана на одной перекладине с Вильгельмом. Такие же господа имеются в большом количестве и во Франции, и в Англии, и в других странах. Как-раз они надувают рабочих фразами о защите отечества (буржуазного, вильгельмовского) и душат рабочую революцию у себя дома и казнят ее в России штыками своих правительств, поддержкой этих правительств.

Вторым течением является центр. Это течение ворчит против своих правительств, но оно неспособно ни к какой революционной борьбе. Оно не решается звать рабочих на улицу. Оно боится, как огня, вооруженного восстания, которое одно может решить вопрос.

Наконец, третье течение — это крайняя левая: в Германии — Либкнехт его товарищи. Это — заграничные большевики. Их тактика, их взгляды — это взгляды большевиков.

Посмотрите теперь, какая путаница получается, если все эти группы называются одним и тем же именем. Социаль-демократ Либкнехт и со-

циаль-демократ Шейдеман! Что общего между ними? Палач революции, грязный предатель, и мужественный борец рабочего класса,—разве можно представить себе большую разницу?!

В России, где революционная борьба и развитие революции поставили в октябре вопрос о социализме и о свержении буржуазной власти реформ, спор между изменниками социализма и сторонниками социализма решался с оружием в руках. Правые эсеры и отчасти меньшевики были по одну сторону баррикады вместе со всей контр-революционной сволочью; большевики были по другую сторону, вместе с рабочими и солдатами. Кровь провела борозду между нами. А это не забывается и не забудется никогда.

Вот почему мы должны были дать нашей партии другое название, которое отличало бы нас от изменников социализма. Слишком велико расстояние между нами и ими. Слишком различны наши дороги и наши пути.

По отношению к буржуазному государству мы, коммунисты, знаем только одну обязанность — взорвать его, разрушить этот разбойничий союз. Социаль-демократы проповедуют защиту этого союза предпринимателей под соусом защиты отечества.

Зато после победы рабочего класса, по отношению к рабочей, советской власти мы стоим за ее защиту и оборону против заклятых врагов, против империалистов всего мира. А они, как настоящие предатели рабочих интересов, ставят своей задачей взорвать рабочую власть, взорвать советы. И в стремлении к выполнению этой задачи они идут нога в ногу со всей буржуазией.

Мы, коммунисты, стремимся вперед, каких бы это трудностей ни стоило, мы идем к коммунизму через диктатуру пролетариата. Они, подобно злобным буржуа, всей душой ненавидят эту диктатуру, поносят ее на всех перекрестках, выбрасывают лозунг: «назад к капитализму».

Мы, коммунисты, говорим рабочему классу: «Много терний лежит на нашем пути, но нужно итти, не смущаясь, дальше и дальше. Великая революция, которая ставит на голову весь старый мир, не может пройти гладко ее нельзя сделать в белых перчатках: она рождается в муках. Эти муки нужно перестрадать, вытерпеть, пройти через их огонь, чтобы, наконец, вырваться из железных тисков капиталистического рабства».

А меньшевики, эсеры, социаль-демократы смотрят со стороны, замечают промахи, ошибки и из этого делают вывод: пойдем назад, отдадим все буржуазии, будем умеренно требовать умеренных порядков в нашем капиталистическом стойле!

Нет! С ними нам не по пути. Эти несчастные пугают гражданской войной. Но нет революции без гражданской войны. Или они думают, что в других, более развитых странах, социалистическая революция будет происходить без гражданской войны? Опыт Финляндии показал другое. Тысячи расстрелянных финских товарищей — лучшее свидетельство того, что гражданская война в развитых капиталистических странах будет еще более ожесточенной, еще более кровавой, еще более жестокой. Теперь можно предвидеть, что, например, в Германии война классов будет чрезвычайно остра. Уже и теперь немецкое офицерье расстреливает своих солдат и матросов сотнями за малейшую попытку к возмущению. Только через гражданскую войну и железную диктатуру рабочих можно притти к социализму, можно итти к коммунистическому, товарищескому производству.

Охрана буржуазного государства и не шагу к коммунизму! — вот программа социаль-демократии.

Взрыв буржуазного государства, рабочая диктатура, экспроприация капиталистов, организация производства рабочим классом, широкий путь к коммунизму — вот программа коммунистической партии.

Когда мы называем себя коммунистами, мы не только отграничиваем себя от социаль-предателей: меньшевиков, эсеров, Шейдеманов и прочих агентов буржуазии. Мы возвращаемся к старому названию революционной партии, во главе которой стоял Карл Маркс. Это была Коммунистическая партия. И евангелием современной революции до сих пор еще является написанный Марксом и Энгельсом «Коммунистический Манифест». Старый Энгельс еще за $1^1/_2$ года до своей смерти протестовал против названия „социаль-демократ». «Оно, — говорил он, — совсем неподходящее для партии, которая стремится к коммунизму, которая уничтожает, в конце-концов, всякое государство, в том числе и демократическое». Что бы сказали великие старики, которые пламенели ненавистью к буржуазной государственной машине, если бы им показали таких социаль-демократов, как Дан, Церетели, Шейдеман? Они заклеймили бы их презрением, как клеймили всегда тех «демократов», которые в трагические, тяжелые моменты революции дуло револьвера направляли против рабочего класса..

Много препятствий стоит на нашем пути. И много нехорошего у нас есть сейчас, в наших собственных рядах: ибо много вошло к нам посторонних людей, которые продают себя за деньги кому угодно, лишь бы ловить рыбу в мутной воде. А рабочий класс молод и неопытен. И со всех сторон самые злые враги окружают молодую Советскую республику. Но мы, коммунисты, знаем, что на собственных ошибках учится рабочий класс. Мы знаем, что он очистит свои ряды от всякой нечисти, прокравшейся к нему; мы знаем, что придет к нему и верный, желанный союзник — мировой пролетариат. Никакие старушечьи вопли и истерические крики не смутят нашей партии. Ибо она поставила на своем знамени золотыя слова, которые написаны были Марксом в «Коммунистическом Манифесте»:

«Пусть господствующие классы дрожат перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего терять в ней, кроме своих цепей. Приобретут же они целый мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь».

Май 1918 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I. Царство капитала, рабочий класс и деревенская беднота. 3

Грабительские войны, угнетения рабочаго класса и начало гибели капитализма 5

III. Всеобщая дележка или товарищеское коммунистическое производство? 8

IV. Анархический или коммунистический строй? 10

V. К коммунизму через диктатуру пролетариата! 12

VI. Советская власть или буржуазная республика? 16

VII. Свободы для рабочаго класса и крестьянской бедноты; узда для буржуазии (свобода слова, печати, союзов, собраний и т. д. в Советской республике) 20

VIII. Банки—общее достояние трудящихся. (Национализация банков) . . 24

IX. Крупная промышленность—рабочему народу. (Национализация промышленности). 27

X. Общественная обработка народной земли 30

XI. Рабочее управление промышленностью. 32

XII. Хлеб—только трудящимся! (Трудовая повинность для богатых) . . 35

XIII. Правильное распределение продукта; уничтожение торговой прибыли и спекуляции: потребительские коммуны 38

XIV. Трудовая дисциплина рабочего класса и крестьянской бедноты. . 41

XV. Конец власти денег. („Государственные финансы" в Советской республике и денежное хозяйство). 43

XVI. Никаких торговых сношений с империалистской заграницей для русских буржуа! (Национализация внешней торговли) 46

XVII. Рядом с экономическим духовное освобождение! (Церковь и школа в Советской республике) 48

XVIII. Вооруженный народ на-страже своих завоеваний. (Армия в Советской республике) 53

XIX. Освобождение народов. (Национальный вопрос и международная политика) 57

Заключение. (Почему мы коммунисты?) 60

ЦЕНА 1 руб. 25 коп.